

Евгений Захаров
Светлана Берд

**Занимательное
артуроведение**

Евгений Захаров

Занимательное артуроведение

«Издательские решения»

Захаров Е.

Занимательное артуроведение / Е. Захаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518469-6

Король Артур неоднократно становился центральным персонажем бесчисленного количества художественных произведений. «Занимательное артуроведение» — еще одна, на этот раз юмористическая, версия культовых британских мифов, этакий пастиш, отдающий дань не только артурианской мифологии, но и целому пласту фантастической (и не только) литературы. А вообще это просто литературная игра и отменное развлечение для всех любителей качественной веселой прозы.

ISBN 978-5-00-518469-6

© Захаров Е.
© Издательские решения

Содержание

Занимательное артуроведение	6
Роман в двух (пока) книгах	6
Книга первая	7
РЫЦАРЬ И Ко	7
Часть первая	8
ЛЕГОГО!	8
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	17
ГЛАВА 5	21
ГЛАВА 6	24
ГЛАВА 7	28
ГЛАВА 8	30
ГЛАВА 9	34
ГЛАВА 10	39
ГЛАВА 11	43
ГЛАВА 12	46
ГЛАВА 13	49
ГЛАВА 14	53
ГЛАВА 15	58
Часть вторая	63
СТРАННА...	63
ГЛАВА 1	64
ГЛАВА 2	68
ГЛАВА 3	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Занимательное артуроведение

Евгений Захаров
Светлана Берд

© Евгений Захаров, 2020

© Светлана Берд, 2020

ISBN 978-5-0051-8469-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Занимательное артуроведение

Роман в двух (пока) книгах

Все персонажи данной книги не вымышлены. Любое совпадение с реальными событиями абсолютно случайно. За действия героев книги авторы ответственности не несут.

Книга первая

РЫЦАРЬ И Ко

Часть первая

ЛЕГОГО!

ГЛАВА 1

*«Фазаны есть птицы загадочные и непонятные...»
(Из «Жизнеописания фазанов»)*

Неприятности настигли меня за обедом. Точнее, еще до обеда – в виде обормота слуги, опрокинувшего на меня блюдо с фазанами в подливке. Как ни странно, я на него не обиделся, не стал волочь слугу за руку по замку, подвывая под каждой статуей: «Покалечили! Изуродовали! Мама!», как это сделал бы мой младший брат Леопольд. Вовсе нет. Я молча похлопал оробевшего слугу по лысине, после чего пошел отмываться. Ну а затем, как вы уже поняли, и начался обед.

За столом нашим царила непривычная тишина. Никто не скандалил по поводу разлитого супа, не чавкал, отправляя в рот сочные куски оленьего мяса, не производил ужасные звуки, обсасывая кости и собственные пальцы. Объяснялась подобная тишина простой причиной: все собравшиеся за столом грустили.

Я переживал свой позор – вспомнить только, как хохотали слуги, застав меня в коридоре с блюдом на голове, его содержимым на моем любимом голубом жилете, и фазаньими перьями, облепившими все остальные, необработанные доселе участки тела.

Моя матушка, которую при рождении нарекли не очень-то благозвучным именем Геранья, оплакивала безвременно ушедшего мужа Фенриха Маститого. Мало того, что Фенрих ушел в последний поход, не взяв с собой талисман (песочные часы весом в триста фунтов), так еще и пал в бою с ледяными великанами (хотя великаны считали ледяным самого Фенриха по причине его склочности, неуживчивости и привычки чуть что – кидаться камнями) год тому назад. Матушка же до сих пор обреталась в состоянии глубочайшего траура, что не мешало ей, впрочем, находиться в весьма деликатном положении. Геранья у нас мама дородная, могучая, так что рождение пятого ребенка, думается, не представит для нее особого труда.

Кроме меня, в число детей матушки входят, уже упоминавшийся, Леопольд, грустящий сейчас по закончившему свое брненное существование цыпленку, Хрунгильда – дева-воительница – отправилась выручать отца несколько месяцев назад. Да еще Матильда... О ней бы мне вообще не хотелось писать, но так уж случилось, что именно она стала одной из главных персонажей этой удивительной истории. Матильда – старшая сестра мне и Леопольду, но младшая – Хрунгильде, что не мешает ей быть почти такой же могучей и объемистой. Вообще, все женщины в нашем роду худобой и хилостью никак не отличаются. К тому же Тильда – рыжая! Ха! Нет лучшего повода для насмешек, чем огненная копна волос на голове у любезной сестрицы. А вот, скажем, я – не рыжий, довольно стройный... Но расхваливать себя неприлично, хотя и очень хочется. Лучше продолжить описание обеда.

Тильда, уперев полные руки в пухлые щеки, испытывала сейчас вполне объяснимую тоску, сходную с Леопольдовой, но не по каким-то там жалким цыплеткам, а по своему любимому блюду – фазанам. Изредка она кидала на меня такие душеспитательные взгляды, что от этих щипков мне ужасно хотелось залезть в супницу и просидеть там до конца обеда.

Однако все эти мелкие печали были ничем по сравнению с тем, что обрушилось на нас в следующий момент. Матильда, уплетавшая третью порцию мяса по-франкски (еще одно любимое лакомство, для приготовления коего специально из Франкии были выписаны: специальный мясник, специальный повар и специальные франкские коровы) внезапно наклонила голову и прислушалась:

– Фто это фа вук? – спросила она с набитым мясом ртом. – Флыфыте?

– Ветер, – успокоила ее матушка, прихлебывая сок из громадного кубка. – Так воеет только ветер.

– А еще волки, – добавил я.

– Среди бела дня, – кивнула Тильда. – Не смейши народ.

Леопольд, как по команде, хлопнул в свой стакан.

– А еще, – не унимался я, – так воеет наш старый слуга Никроскоп, когда у него забирают увеличивающие стекла, и пытаются из них сделать зажигатель для дров. А, Матильда?

– Я вот сейчас тебе такой зажигатель покажу, – пообещала, было, моя дорогая сестричка, но тут...

– Фаза-аны для ле-еди Ма... – начал объявлять слуга с блюдом в руках, возникший в проеме двери, как вдруг состроил весьма удивленную мину и полетел с ног. Фазаны шмякнулись на стол прямо передо мной – ну конечно! – окатив меня с ног до головы подливой и перьями. Матильда издала мощный крик. Но еще мощнее прозвучал вопль, который вырывался из глотки человека, сбившего с ног несчастного слугу и раскинувшегося сейчас на полу во фривольной позе.

Это был главный конюший – щуплый мужичонка с неожиданно луженой глоткой. До того, как стать конюшим, он исполнял обязанности главного овечьего, то бишь, чабана, и голос его, натренированный и зычный, мог соперничать с трубой глашатая (чьи обязанности он тоже исполнял в случаях болезни последнего, прекрасно обходясь безо всякой там трубы).

– Что за шум? – недовольно поинтересовалась матушка. – Ты испугал Матильду!

– Не говоря уже обо мне, – сквозь зубы заметил я.

– Горе! – крикнул конюший с пола. Со стоящих возле стены рыцарских доспехов звонко ахнулся шлем.

– Перестань вопить! – грохнула кулаком по столу матушка. – Докладывай!

– Ээх! – горестно сказал конюший, попытавшись одновременно подняться по стене и вытянуться во фронт. Давалось ему это с трудом, но постепенно он воздвигся перед вопрошавшими, пошатываясь и поскрипывая, как одинокая сосна на скалистом берегу... – Извините, отвлекся... Конь светлоокой девы-воительницы Хрунгильды вернулся нынче утром в конюшню родного замка без своей прекрасной всадницы!

Геранья от неожиданности подавилась ногой оленя, которую в данный момент ретиво обгладывала. Мы бросились спасать матушку. Конюший терпеливо ждал, переминаясь с ноги на ногу.

– Болван! – крикнула мама, еле отдышавшись. – Разве можно так пугать? Какая всадница? Какой конь?

– Кстати, я сомневаюсь, чтобы это был тот самый конь, – хладнокровно заявила Матильда, с ненавистью поглядывая на губителя фазанов. – У сестрицы Хрун был Бозо – самый глупый конь на всем диком Западе, не говоря уже о нашей родной Британии. Он бы, вряд ли, даже вспомнил, как его зовут, не говоря уже о далекой Великании, откуда он, якобы, добрался до дому один.

– Это же был любимый конь моего муженька! – зашмыгала носом матушка. – Как мой Фенрих славно возил его метлой по бокам! Ведь недаром предание гласит: «Бьет – значит, любит!». А уж как я любила моего Фенрюшечку! А Бозик! О! Он ведь был под вашим отцом в тот злосчастный день... Мы так надеялись, что он приведет... Привезет... Найдет убийцу отца!

– Да он не способен найти даже кормушку овса, не то, что убийцу отца!

– Тилли, не смей!

– Не называй меня «Тилли»!

– Мам, ну что ты, в самом деле, – вмешался я. – Ты же знаешь, как Матильда...

– И ты туда же? Тилли, Герми, разве вам не дорога память об отце?

– Мама!

– Мама!

- Тилли! Герми! Тилли! Герми! – по-обезьяньи скакал за столом Леопольд.
- Конь прибыл на рассвете, – начал конюший, – и они...
- Как – на рассвете? – повернулась к нему матушка, шелк ее платья угрожающе зашелестел.

– Дак – как? – стал оправдываться конюх. – Ну, так вот – на рассвете!
– Где ты шлялся все это время? Сейчас же уже обед! – пророкотала Геранья.
– Выпори его, мам, – попросил Леопольд. – Он все врет.
– Заткни фонтан! – рявкнула матушка. Лео покорно выполз из-за стола и поплелся в сад: требовавший починки фонтан уже давно грозил затопить наши георгины.

– И ничего наш дорогой Тристан не врет, – глядя на конюшего, сказала матушка самым ласковым голосом, от которого у того подкосились ноги. – Правда, ведь?

- У-э-пшп, – кивнул Тристан.
- Врет, – поддержала наказанного Лео Тильда. – И не краснеет. Выпороть и немедленно.
- Порют-то на конюшне, – возразил я. – А он – конюх. Сам себя он выпорет, что ли?

Как вдова оруженосца?

- Рот закрой, – велела милая мама. – Не то пойдешь Леопольду помогать.
- Тут появился Лео – мокрый, грязный, но веселый.
- Заткнул! – гордо сказал он, усаживаясь за стол.
 - Рада за тебя, – кисло сказала матушка. – Ответствуй! – Бросила она слуге.
 - Ага, – кивнул конюх. – Вернулся на рассвете. Весь в сбруе, со всем мылом. То-ись со всей всб.. сбвре.. Под седлом. И мыльный.

Его качнуло, но он продолжал:

- К седлу был приторочен верный оруженосец леди Хрунгильды, Причард Калидомский!

Матильда полыхнула пожаром. Она всегда так полыхала даже при упоминании, так называемого, друга детства, с которым они вместе росли – болвана-переростка Прича, самым главным достоинством которого были непомерной величины уши. Единственный сын многодетного семейства (как уже понятно, все остальные дети – девочки) из соседнего Калидома был давнишним воздыхателем Хрунгильды, готовый броситься за нее в огонь и в воду (скорее всего не бросился бы, так как огня он боялся до безумия, а плавать не умел, но всячески показывал, что всегда готов). Дабы жениться на Хрун, Причард увязался за сэром Фенрихом в качестве – кого бы вы думали? – оруженосца. Через месяц он вернулся, притороченным к седлу коня хозяйина замка, но без последнего. Возвещая гибель отважного рыцаря, он так орал и бросал пламенные взоры на Хрунгильду, что та загорелась, прыгнула в доспехи и отправилась отмстить, а заодно и поискать по дороге Святой Грааль. Немудрено, что калидомец увязался за ней. «Дабы для женитьбы на наследнице Фенриха Маститого, заслужить гордое звание «Рыцаря», – как прокричал он с осла, уносящего его вслед за отважной девой. И вот этот липовый оруженосец вновь вернулся вместе с собратом по разуму – глупым конем Бозо. И, что всего обиднее – без осла. Ну, и без сестрицы, конечно.

ГЛАВА 2

*«В дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю... Куда?»
(Из старинной баллады)*

Матушка Геранья ждала продолжения. Слуга молчал. Я кашлянул. Матильда польхала. Леопольд засвистел носом, уснув прямо на стуле. Неожиданно конюх с грохотом рухнул на пол. Лео проснулся и заверещал.

– На конюшню! – скомандовала матушка, вылезая из-за стола. Она величественно подобрала юбки и затопала к выходу из обеденной залы, сметая по дороге кресла, слуг и попадавших под ноги собак. Мы все поспешили за ней, причем я тащил за ноги потерявшего дух Тристана.

Внизу, в сарае, было довольно темно, так что оруженосца удалось разглядеть не сразу. Развалясь, он расположился на тюках с сеном и гулко сопел. Его уши тихонько трепетали.

– Он ранен! – взвизгнула Тильда.

– Вот еще, – сухо отозвался я. – Пьяный, как свинья.

– А я говорю – ранен! – и я охнул: локоть сестрицы въехал мне в бок.

Матушка затрясла Прича за плечо. Тот повозил ногами по сему и что-то нечленораздельно промышчал. Пришлось вмешаться и вылить на голову отважного оруженосца ведро воды. Раздался громкий фырк и вой, а затем Причард воздвигся, тряся головой, как конь.

– Жалко, – заметил я. – Долго сохнуть будет.

– Причард? – уточнила Матильда с томной нежностью в голосе.

– Сено, – ответил я. – Да и этот – тоже.

– Куда ты подевал мою дочь? – ревела на ухо оруженосцу матушка. – Отвечай, пьянь!

– Беда, – бормотал Причард, тщетно стараясь сфокусировать на ней размытый взгляд своих маленьких кроличьих глазок. – Горе нам. Много подвигов свершила отважная дева и вот! – он хлопнул себя по толстым бедрам. – Попала в плен к великанам! Наверное... А я предупреждал! – И он свернулся калачиком, улегшись у ног разъяренной мамочки.

– Почему же ты ее не спас, лживый пень! – гремела Геранья, хватая его за шкуру и тряся, как нашкодившего кота. Причард зевнул.

– Отстаньте от меня, люди, – сказал он уныло. – Спать хочется.

Но матушка была начеку: влепила ему такую затрещину – аж звон пошел.

– Как ты здесь оказался! – крикнула она. – И не смей засыпать, когда я с тобой разговариваю! Герман, держи его!

Я, со вздохом, схватил Причарда за ремень.

– Вынес меня верный конь, – бормотал оруженосец, раскачиваясь на ремне. – Весть я принес в дом родной. Дам я ему и овса, где-то была колбаса... – и полез по карманам, время от времени, встряхивая кудлатой головой.

– Вот он какой, отважный герой! – прошептала Тильда. Я поморщился. Над моими стихами смеются даже кошки, а эти негодяи болтают себе, как ни в чем ни бывало!

– Я вот все думаю тож, – начал было я, но матушка перебила:

– У, завел свою трепотню! Хватит уже. Уши вянут. И вообще – пошли отсюда, от этого бурдюка с вином сейчас многого не допросишься.

Я с облегчением выпустил из рук ремень, и Прич, квакнув, хлопнулся на сено.

– Колбасы нету, – сказал он уже во сне. Я с чувством сплюнул.

Оставив храпящего «героя», все разбрелись по замку переваривать новость. Матушка понесла отдыхать свой живот. Матильда отдавала дань грибам в обеденной. Я же поспешил в свою излюбленную «ума палату» – так я назвал небольшую нишу в одном из многочисленных

коридоров замка, где уединялся на предмет думания, размышления и сочинительства. Там я достал блокнотик, карандаш и стал писать. А записываю я все умные мысли, часто приходящие мне в голову: колкости в адрес Матильды, которые лучше не применять на практике; рецепты приготовления пирогов из глины... Но больше всего в блокноте стихов. Да, я люблю стихи! И не считаю это зазорным. В отличие от моих домашних.

Вот, к примеру, только что мне на ум пришли строки: «Хрунгильда, незабвенная сестрица, окрестностей прекрасная царица!». Выходило неплохо, хотя и абсолютно неверно. Никакая Хрун не царица, да и далеко не прекрасная. О ее комплекции я уже упоминал. А характер! Хотя, прямо скажем, общаться с ней было довольно интересно, но вот вмешиваться в чужие дела – этого у нее было не отнять!

К примеру: однажды я пошел прогуляться в лес. Тишина, красота, птички поют – заслушаешься! Открываю это я свой блокнотик, начинаю писать мгновенно пришедшие в голову строчки: «Унылая пора, очей очарованье...». Как вдруг, ломая кусты, ко мне подлетает какой-то взмыленный человек и со всей дури трубит в рог. За ним прямо по мне летит целая свора собак, и, наконец, я едва не оказываюсь под копытами Громобоя, лучшего коня в замке (а каждое копыто – с хорошую сковородку!). На коне восседает Хрунгильда и, премило улыбаясь, щебечет что-то о каком-то олене, который, видимо, должен был где-то тут пробегать... Ну не подло ли? Какое после этого очей очарованье? Стих я, кстати, так и не дописал...

За написанием «Саги об отважной Хрунгильде» меня и застала вездесущая Матильда.

– Слышь, принц датский, – сказала она Самым Противным Голосом На Земле. – Тебя мать ищет. Ты вообще собираешься или нет?

– Куда? – удивился я. – На ужин? Рано еще!

– Иди, говорю! – раздраженно отозвалась сестричка. – А то еще достанется! Ногами работай!

– Все на меня выступают, – разозлился я. – Никуда не пойду!

– Чеши! – прикрикнула Матильда. – Или тебя понесут.

– Кто понесет?

– Я понесу. Ты же щуплый.

– Вот вернусь от мамы – таких тебе навалю! – и я, хлопнув дверью, зашагал в спальню к матушке, мимоходом обсуждая со статуями в коридорных нишах планы мести.

Судя по маминной позе, она явно упивалась собственными горем:

– Сын мой! – патетически воскликнула она. – Мы приняли решение!

Она выдержала паузу, потирая живот, в течение чего я размышлял: кого она имеет в виду, говоря «мы» – ее с Матильдой, или же с тем, кто у нее в животе?

– Во-первых, потому что ты доблестный муж, достигший совершеннолетия и готовый к ратным подвигам; во-вторых, потому что ты безутешный сын и брат (я сделал скорбное лицо); и в-третьих, потому, что нам так хочется, – ты садишься на стремительного Бозо и мчишься, как ураган, спасать свою сестру! – закончила матушка Геранья.

Безутешный сын и брат схватился за кресло, чтобы не грохнуться в обморок.

ГЛАВА 3

*«Павлуша, иди, чё Саньм даст...»
(Из народного театра)*

Ничего себе заявочки! Я чуть не упал!

– Спасибо, мама! – горько сказал я. – Без меня меня женили.

– Я вижу, что ты счастлив, – сурово пробасила матушка. – Это приятно. Много тебе предстоит совершить достославных и славных деяний, прежде чем выручишь ты родную сестру из полона. Ну и, по дороге, можешь Грааль поискать.

– А я м-м-м, ну, как его, – в моей голове шумело, язык же нагло отказывался слушаться.

– И это приятно. Слуги! – рявкнула мама. – Доспехи для наследника Фараморского, будущего рыцаря, сэра и пэра, сына Фенриха Маститого! Приготовить ему коня и назначить оруженосца! Разбудите его, кстати.

– Причард?! – возопил я. – Не поеду с этим пьяницей! Послушайте, ведь он...

– Верой и правдой служил твоему отцу и твоей сестре. Любимым, – угрожающе сказала матушка. – Протестовать поздно и глупо. Иди и соберись в дорогу!

– Блокнотик не забудь, – пустила шпильку Матильда, до того смиренно стоявшая у меня за спиной. Я только вздохнул и плотно закрыл за собой дверь.

– Нет, подумать только! – бузил я, швыряя в котомку запасное белье и носки. – Меня на ратные подвиги! Меня! Я и на коне-то плохо держусь, а мне мало того, что дают этого паскудного Бозо, так еще наверняка и копье с мечом будут совать. А я в жизни оружия в руках не держал... Ну, не совсем не держал, но владею – как собака палкой! Да, дела...

Во дворе замка меня уже ожидала целая толпа провожающих. Мамаша утирала фиолетовые слезы кончиком платочка, Леопольд мрачно ковырялся в корзине с лепестками роз. Одна Матильда выбивалась из общего настроения: хохотала, как сумасшедшая. И все из-за доспехов! Я же не успел глазом моргнуть, как огромная куча железа была напялена на меня расторопными слугами. Для этих доспехов идеально подошел бы здоровяк Причард, но он даже в своей обычной одежде качался из стороны в сторону, к тому же оруженосцам доспехи не полагались. Я же болтался в грохочущем рыцарском одеянии, как пестик в колоколе. К тому же проклятый шлем все время съезжал на плечи. Кое-как справившись с этим неудобством, я торжественно принял из рук матушки отцовский меч... и чуть не надорвался. Зато упал. Проклятая стальная дубина весила не меньше всего этого рыцарского барахла. Ко всем неприятностям надо прибавить и солнце, которое нещадно накалило доспехи. Даже слуги, которые меня поддерживали, получили ожоги различной степени тяжести. А когда сзади неслышно подошел Бозо и оглушительно заржал мне в ухо, Матильда перестала хохотать и заикала от смеха.

– Хватит ржать, – прогудел я из шлема.

– Прости-ик! Не могу удер-ик! -жаться! – Тильда вытерла глаза и протянула мне какую-то бутылочку.

– О, нет! Только не это! – я застонал и притворился слепым и глухим.

– На, бери, – настаивала сестра. – Это же панацея от всех болезней!

Да, о маниакальном увлечении Матильдой облепихой по всему Фарамору ходили легенды. Сотни раз из уст в уста передавалось предание о том, как Матильда, переодевшись старухой, и нарисовав себе безобразный шрам через все лицо, сбежала из дома в поисках загадочной облепихи. Лазать по долинам и по взгорьям разрешалось лишь лекарям замка, а остальных ведунов и знахарей нещадно отстреливали из луков наши лесничие. Неизвестно как сестре удалось ускользнуть от суровой правды жизни, но вернулась она спустя месяц в изодранном плаще, с исколотыми и стертыми в кровь ногами, зато с радостной ухмылкой на лице и веткой

облепили в лапах. С этого дня я разгадал секрет таинственного названия: проклятая облепиха облепила весь наш сад, а расторопная Тильда ухитрилась привить растение даже к яблоням и вишням. В результате, яблоки росли ужасно мелкие и гроздьями, а вишня поменяла свой величественный бордовый на вульгарный оранжевый цвет. Но самый вкус настал, когда облепиха созрела! Матильда носилась по саду с ведром, насыпая целебную ягоду в безразмерный бак для кипячения простынь, потом влезла сверху и, сняв туфли, весело топталась по облепихе, получая, в конце концов, сок и масло, но вместе с тем – и огромную порцию насмешек от вашего покорного слуги...

– Нет, правда! – протягивала мне бутылочку Тильда. – Это панацея!

– Что – грязища с твоих ног? – саркастически переспросил я. – Никогда бы не подумал!

– Да нет же, балда! Облепиховый сок! Заживляет всякие гадости внутри. И тебя заодно залечит – ты же тоже внутри.

И в доказательство любимая сестричка постучала по доспехам палкой.

– Э! Э! Прекрати! – издал я тоскующий крик. – Так и быть, возьму твою лечебную грязь.

Матильда показала мне язык.

– Подразнись мне еще!

Матильда опять высунула язык. И завизжала – моя рука, окованная железом, ухватила ее за косу. Так бы и повыворачивал, и повыкручивал в свое удовольствие...

– Дети! Дети! Перестаньте! – гаркнула матушка. – Лучше восславим Господа нашего за что, чтобы он вернул назад наших дорогих Германа и Хрунгильду живыми и невредимыми!

– Ага, – проворчал я. – Невредимыми. Конечно. Да с таким славным конем и невыразимым оруженосцем я мигом всех завоюю и стану королем. И всех остальных гадов разобью! А хвалить опять будут мою бестолочь – сестрицу и этого недоразвитого...

БАБАХ! Рука у матушки была тяжелая, и я катился футов десять, гремя доспехами и прося пощады. Благополучно застряв в свиной поилке, я услышал, как регочут слуги, и как один из них пробормотал: «Ну и цирк! Почище, чем на ярмарке! А медведя плясать не приведут?». Ничего не скажешь – авторитет у будущего наследника поместья еще тот.

Меня, наконец, усадили на старину Бозо. В это время появился конюший, ведущий под узцы Громобоя. Следом за ним двое слуг несли спящего Причарда.

– Ой! – сказал я сладким голосом. – Неужели это мой оруженосец? Как хорошо! Не будем же его будить, и я отправлюсь сам. Счастливо! И, кстати, раз уж вы все здесь, подскажите меня на Громобоя.

– Причард Калидомский еще недостаточно оправился от ран. На Бозо его растрясет! – пристыдила меня матушка. – Ничего, на свежем воздухе полегчает, будет как новенький...

– Ну, так куда же нам ехать? – спросил я тоскливо. – Припекает!

– Езжай в Камелот, – приказала матушка. – Найдешь там сэра Ланселота. Только тебе его не надо. Нужен тебе его начальник, король Артур. Может, слышал? Артур – друг Ланселоту, а Ланселот был другом твоего отца, он как раз собирается на поиски святого Грааля. С королевского разрешения, может, и тебя возьмет. Если найдешь чашу – немедленно вези домой, нигде не задерживайся, никогда не разговаривай с незнакомцами, никогда не говори «никогда», к драконам не приставай и к волшебникам не лезь. Если получится – освободишь Хрунгильду. Прекрасную Даму заводить не смей – шкуру спущу! Ясно?

– Так точ`с! – рявкнул я. Голос гулким эхом отозвался в шлеме, и я с тоской пожалел о том, что до сих пор не изобретут чудодейственные лекарства от боли в голове, желательно, чтобы их можно было не разжевывать, а просто глотать – вся эта лечебная пакость такая горькая!

Затрубили трубы, забили барабаны, завопил Леопольд, швыряя в меня корзинкой. Полетели лепестки, и я, отплеываясь и сражаясь с зацепившейся за шлем корзинкой, выехал на подъемный мост. Следом мирно топал Громобой, с висящим через седло Причардом. Обер-

нувшись напоследок, я увидел утирающую глаза матушку, скалящего молочные клыки Лео и провожающую меня завистливым взглядом Тильду. Я не удержался и показал ей язык. Вспомнив, однако, что в шлеме этого никто не увидит, я сердито прищпорил Бозо (что, впрочем, никак не отразилось на его скорости), и вскоре – через какой-то час – замок скрылся из виду.

Доехав до ближайшего леска, я не без труда спешился (попросту вывалился из седла), стащил храпящего Причарда и попытался занять его место. Согласитесь, что рыцарю более пристало скакать на роскошной лошади. Впрочем, попытка стала настоящей пыткой: Громобой с маниакальным упорством сбрасывал меня на землю. Промучившись некоторое время, я с помощью ножа и ловкости рук избавился от доспехов, спрятал их в кустах и, закинув обратно Прича и усевшись на Бозо, двинулся дальше. Хотя эта бестолочь – я имею в виду Бозо – и славила непроходимой тупостью, ехать на нем легкой рысью было одно удовольствие! На более же сложный для его разума аллюр Бозо уже не хватало, он нервничал и начинал спотыкаться на каждом шагу.

Пересекая границу Фарамора, я уже был в прекрасном расположении духа. Никто не издевается, не смеется, не мешает читать стихи и петь песни! Все это хотелось выразить одним словом, но я его пока не находил.

Да и некогда было. Дорога впереди растривалась, и я расстроился: куда ехать-то? И указателя нет... В тягостных раздумьях нас застиг прохожий – высокий старик в белоснежной бороде и сером дорожном плаще с капюшоном. Он быстро шел, опираясь на посох, и вскоре, поравнявшись с нами, прошел мимо...

– Сэр! – крикнул я ему вслед. – Не подскажете ли благородным путникам, как тут к Камелоту проехать?

Старец обернулся, кинул настороженный взгляд из-под белых, клочкастых бровей, но дорогу показал – махнул посохом в сторону левой дороги. Сам же он свернул направо. Я прищпорил Бозо. Конь с удивлением помахал ушами, но прыти не прибавил. Я сказал ему четко и раздельно все, что о нем думаю, затем взял под узцы Громобоя и, двинув влево, глянул вслед таинственному спасителю. Но тот как будто растворился в воздухе, оставив на придорожном камне какие-то кривоватые руны, вычерченные остроконечным посохом. Я попытался прочесть их, но, как назло, ничего не получалось – глаза все время разъезжались, а начертанная писанина никак не складывалась в слова. И тут я придумал, кто может прочесть расплывающуюся надпись! Только тот, у кого с глазами не все в порядке!

– Прич, – сказал я, – ты любишь читать, прочти, что написано на этом камне?

Мой сонный оруженосец приподнял голову с седла.

– Ла... Би... Ринт! – напрягая зрение, прочел он.

– Какое интересное слово! – восхитился я. – Хотелось бы знать, что оно означает?

– А мне не интересен лабиринт, – вяло сказал Причард. – Я хочу есть.

С этими словами он вновь уронил голову на седло и захрапел. Я же, дернув поводья влево, повернул на указанный старцем путь. Громобой со свисающим наездником двинулся вслед за мной. Как хорошо, что мы сразу нашли нужную дорогу! И как плохо, что мне приходится ехать на столь омерзительном коне...

ГЛАВА 4

«Хитрый гад!»

(Из народного эсе театра)

Нет, ну как же противно ездить на Бозо! Мало того, что он останавливается, когда ему заблагорассудится, так еще и ржет в самое неподходящее время! Я чуть не вывалился из седла, когда это копытоногое чудовище завопило во всю глотку. А вот Причу – хоть бы хны! Собственно, зачем ему хна? Чтобы быть похожим на Матильду? От рыжего Причарда я бы убежал, оставив ему и коней, и меч – такого позора мне не перенести...

Нет, он еще и храпит! Развалился поперек Громобоя, волочится ушами по земле и знай наяривает в две дырки!

– Прич! – потряс я его за плечо. – Приииич! Вставааай! Мне нужен твой совет! Алеооо!

– Хра, – отозвался этот негодяй. – Храа.

– Я не уверен, правильно ли мы пошлии! Эй! Глухня!

– Храаа.

И тут в кустах бузины по правой стороне дороги что-то зашелестело. Мне стало не по себе. Даже Прич замолчал и тихо-тихо засвистел носом.

– Кто там? – осторожно спросил я.

В ответ из-за куста раздался рык. Даже не просто рык, а РЫК – как будто из-под носа у двенадцати здоровенных львов вытаскивают дохлую антилопу.

Уж про кого-кого, а про львов мне прекрасно известно. Они живут далеко-далеко, за морями-океанами, в землях арапских. Один из этих самых львов однажды настолько обнаглел, что, прихвативши доску, пересек на ней один океан, потом через Баб-Эль-Мандебский (или еще какой-то там – с географией у меня всегда были проблемы) пролив попал в другой океан, и уже по нему добрался до наших земель. Он долгое время скитался, питаясь одиночными путниками, и однажды, больной и голодный (видать, путники попадались редко), пришел к нам. Мы его вывели и поселили в нашем зверятнике, а за все его подвиги и смелость дали ему свирепое арабское прозвище – Скалзуб. Вы уж простите, что я так разболтался: пытаюсь приглушить воспоминания об ужасном рычании, слышавшемся из кустов. Вот так: «PPP-ROOOOAAAARRRRR!!!»

– ОГО! – и Причард слетел с седла. Мигом забившись в барсучью нору, он немилосердно заорал: «Не ешь меня, я невкусный! Не ешь меня!». А я... Ну что мне оставалось делать?

На ватных ногах, пошатываясь от тяжести отцовского меча, я пошел к бузине и, изо-всех-сил-не-дрожащим голосом, крикнул:

– А ну-ка, выходи, чудище невиданное! Я сражусь с тобой и... э...

Нет, я не забыл, что нужно говорить в подобных случаях. Просто чудище изволило показаться. Оно выползло из-за кустов и сразу же переплонуло все мои представления о драконах. У нее (или у него?) был большой хвост. Огромный. Извивающийся. По огромности он был равен нашей конюшне, а по извилистости – нашим подвалам. Но у драконов на хвосте есть специальный костяной гребень, а у этого существа был просто хвост – как у змеи, безо всяких гребешков. Следующее, что мне бросилось в глаза – ноги. Целых шесть коротких тумбообразных ног! У драконов всегда было по четыре ноги. Откуда взялись еще две? Подозрительно. На лапах прочно сидело массивное тулово, на котором, однако, я не разглядел ни малейших признаков крыльев. Да и вообще, неправильно его драконом называть! Ну, какой это дракон? Гребешка на хвосте нету, шесть лап, бескрылый какой-то! Еще и мохнатый! Да, я же не сказал. Все его тулово было покрыто серо-полосатой шерстью, как у моего кота Базилия. Не я его

так назвал, а Матильда, с нее и спрос. Кстати, о Матильде. У чудища была такая голова, что в страшном сне не приснится! А причем тут Тильда? Ах, да. Я однажды видел очень страшный сон: будто бы Тиль выходит замуж за Причарда, а я несущая сзади ее фату, разбрасываю монетки и, время от времени, стреляю в воздух из огнелука – такой штуки, которую сладил наш придворный изобретатель Ванстоун, и из которой можно запускать в небо разноцветные сполохи. Это еще что! На мне, кроме всего прочего, был надет омерзительный черный бархатный костюм! Тьфу!

Но я отвлекся. Что у нас дальше? На морде существа, дракон оно там или нет, было все, что полагается каждому приличному дракону: огромная пасть, длинный, кроваво-красный язык, острые зубы и горящие глаза... Да, какие же они, к черту, горящие? Нимало не свирепые – даже милые... круглые... голубые... – глазищи разглядывали меня больше с добродушным любопытством, нежели с желанием откусить мне поскорее голову и поглядеть, чего там внутри. Но все же, я чтил рыцарский кодекс и посему счел нужным предупредить:

– Остерегись, о зловредный дракон, и взгляни-ка...

Продолжить я не смог – чудище внезапно затряслось от хохота.

– О-хо-хо! – смеялось оно. – А-ха-ха! Дракон! Это я-то? Ой, не могу! Остерегись! Ой, мама!

– Но-но, – сказал несколько обескураженный я. – Смеется над конем тот, кто не осмеливается смеяться над его хозяином!

– А я не над конем смеюсь, – остановилось чудо – юдо. – А над тобой. Э-хе-хе!

– Сейчас я с тобой разберусь, – пообещал я. – Как мужчина с... с... В общем, защищайся, кровожадный крокодилус!

Уж про кого – кого, а про крокодилусов мне тоже все прекрасно известно! Вслед за львом по нашему Фарамору пробежал маленький старичок с большим носом и в странной треугольной шапке, а за ним гнался огромный зеленый гад о четырех лапах и ужасной пасти. Гада мы изловили и посадили в зверятник, а в книгах стародавних нашли ответ, что гад этот зовется крокодилусом, и что живет он далеко-далеко, за морями-океанами, в землях арапских. Так я выяснил сразу три вещи: что такое есть львы, что такое есть крокодилусы, и что арапы это – не огромные черные люди с кольцами в носу, а маленькие старички с большими носами и со смешными шляпами на головах.

От последних моих слов чудище прошиб такой смех, что оно запрокинулось на спину, сломав пару-тройку осин.

– Ох, ох, – стонало от смеха голохвостое. – Перестань! Как сказал? Кровожадный? Умора!

– Не смей смеяться! – вскипел я. – Я оскорблен твоим гадким смехом.

– Ну и ладно, – махнул лапой зверь. – Мне-то что? Мне-то смешно ведь. Дай отдышаться.

Но я не стал давать ему отдышаться. Сколько раз я слышал рассказы бывалых рыцарей о том, что им удавалось победить разных страшил только потому, что они успевали словить момент, когда те были слишком уставшими после битвы. Я кинулся на голубоглазую тварь, вытаскивая на ходу меч и, стремясь поразить гадину в самое сердце...

Нет предела человеческой глупости. Разве чудище позволило бы себе смеяться над героем с мечом, если бы не было уверено в конечной победе? Мое оружие только дзинькнуло по шкуре, оказавшейся на поверку крепче камня, и переломилось пополам. Меня же так дернуло, что я повалился, как свинья, лицом в пыль, а бессовестное животное закатилось еще пуще.

– Может, хватит? – рассердился я. – Я тебя все равно убью. Не мытьем, так катаньем.

– Я тебя катать не собираюсь, – пожало плечами чудище. – Это в смысле, если ты меня собрался уморить, заездив до смерти. А вот мытьем... Ну, попробуй, может, получится. Тем более, что я не купанный давно.

– Значит, ты меня не боишься, – задумался я. – А вдруг, ты меня сожрешь?

- Что в тебе есть-то? – жалостливо сказал голубоглаз. – Ты же тощ.
- Ну, это как посмотреть, – приосанился я.
- Слушай, я чего-то не пойму. Ты что же – хочешь, чтобы я тебя съел?
- Да Боже упаси! – перепугался я. – Меньше всего мне нравится, когда меня едят. Это ты не так меня понял. Не надо меня есть.
- А меня убивать не надо, – серьезно сказала существо. – Я редкий. Зачем меня убивать?
- Ну... – сказал я неуверенно. – Так полагается...
- Кем полагается? – сердито поинтересовался голохвост. – У кого полагается?
- У нас, у людей. Убивать всякую нечисть и драконов. Таких, как ты.
- А я не дракон.
- А кто тогда?
- Я сам не знаю. Мама зовет «мохнатик», а дедушка звал «хвостан». Правда, он умер уже.
- А что – папы у тебя нету?
- Голубые глаза потускнели.
- Я его не помню. Мама мне про него не рассказывала. Я спрашивал, а она только по шее мне дает или за хвост кусает. Хотя мне не больно – все равно с возрастом отвалится – обидно просто. У паршивой лисицы, что за поворотом живет, и то папа есть! А у меня – нету.
- Извини, – запоздало сказал я. – Я не хотел. То есть я хотел, но не так. Я, как сказать, в общем, хотел, ну не то, что сказал..., – я запутался и заткнулся.
- Ладно, – примирительно махнул лапой не-дракон. – Не обижаюсь я. Есть я тебя не буду – вы, двуногие, невкусные и пахнете изнутри плохо. А ты меня больше не бей мечом, ладно? Шишка будет.
- Да у меня и меча-то теперь нет, – почесал в затылке я. – Не будем вообще драться, хорошо? Меня Германом зовут. А вот того недохода под кустом – Причардом.
- Из норы донеслось недовольное ворчание.
- Это он здороваётся, – безмятежно пояснил я.
- Тогда ладно, – пригладил шерсть не-дракон. – А я то уже испугался, что его есть надо будет. А он и снаружи пахнет плохо.
- В морду, – глухо донеслось из норы.
- Что он говорит?
- Гордый, говорит, – любезно ответил я. – Горд знакомством со столь приятным и красивым существом.
- И тебе спасибо! – Крикнул в нору хвостан.
- По башке! – Сварливо сказала нора.
- Во-во, – подхватил я. – Еще матушка ему говорила: «Вся сила – в волшебном порошке». Им можно взрывать ворота и стены крепостей. А если порошка нету, то Причард – этот свирепый злодей – последняя надежда.
- Да какая еще одежда, черт подери! – Взревела нора. – Все штаны в клочья разорвали барсуки поганые!
- С этими веселыми словами на свет Божий явился Причард. Одежда на нем и впрямь была разорвана, а рот вымазан чем-то синим. И явно вкусным.
- Ягодками угощались? – уточнил животный. – Вкусно, правда? Теперь и ты стал вкусный! Рискнуть, что ли? – и он смачно облизнулся.
- Я еле сдерживал смех, не сомневаясь, что мохнатик не станет травиться этим балбесом. Прич же сомневался. И даже очень. Виляя толстым задом, он подался в ежевику и уже оттуда, осмелев, заголосил:
- Эй, ты! Гидра голохвостая! Не достанешь! Здесь колючки и холодно, а еще я просто так не дамся – укушу! Конь – на обед, молодец – на ужин!
- И из кустов донесся истерический хохот.

- Это он меня лошадьё обозвал? – встал на дыбы чудовищ.
- Все вы негодяи! – гаркнул Прич и, судя по писку и шуршанию, влез в самую гущу ежевики.
- Сам-то ты хорош! – обиделся хвостан.
- Я-то? – отозвались кусты. – Знамо, хорош! Я же оруженосец!
- А где?
- Что – где?
- Оружие. Которого ты носец.
- В ежевике затихли.
- Оружие было у меня, – пояснил я. – Пока ты его не сломал...
- Пока ТЫ его не сломал, – парировало чудище.
- Ну, пожалуйста, пока Я его не сломал! Но – об ТЕБЯ! И теперь вообще не пойму – кто я такой? До рыцаря не дослужился, меч сломал, доспехи выбросил, а еду я – воздержитесь от смеха, друзья! – к королю Артуру. Вывод: куда пошлет меня король Артур, если из всего моего снаряжения остался только глупый конь и еще более глупый оруженосец?
- Примет он тебя, – уверенно изрек мохнач. – Я слышал, ему люди нужны. А вот драконов он не жалуёт.
- Так ты же не дракон, – отозвался я. – Хм... Так кто же ты?

ГЛАВА 5

*«Коль найдешь дракона – береги его»
(Из народного поверья)*

– Зовут меня Кутей, – начало рассказ чудище. – А полное имя – Кутольд ван Штуш-и-Кутуш! Наш род очень древний. Но очень малочисленный. Это потому, что мы живем долго.

– С такой-то шкурой, – завистливо сказал я.

– Да уж. Но и из-за шкуры нас убивали. Однажды к моему дедушке по матери пришел какой-то человек. Дед жил далеко отсюда, он вообще-то отшельником был, ютился в пещере на берегу моря... где-то на юге. Философствовал, думал о жизни. Про космологичность бытия и сознания слышал?

– Ну, как же, – важно ответил я, хотя в философии разбирался слабо.

– Вот. Это он придумал. А потом... пришел этот человек, и, ни с того ни с сего, как даст ему дубиной прямо в глаз. Дед слова не успел сказать, как этот громила схватил его в охапку и задавил. И еще содрал с него шкуру, завернулся в нее и ходил, как дурак. Ну, потом-то разобрались, что дед мой занял пещеру какого-то хищника, мимоходом его слопав, и именно хищник, в свое время, лопал людей. Вот вам и благодарность – палкой по башке!

Из кустов послышалось сочувственное цоканье языком.

– А прадеда моего вообще какой-то мамонт бешеный обидел. Ну, в общем-то, прадедушка сам виноват. Он хотел употребить его на обед. И только уже было собрался, салфетку повязал, как этот мамонт недорезанный съедает какой-то кактус, становится больше раза в три и поддает моему прадеду под зад ногой. Да так, что улетел дедушка в чашу глухую, да и помер там от обиды и унижения.

– Насчет кактусов вопрос можно? – оживился Причард. – Это такие зеленые и колючие?

– Ага, – кивнул Штуша. – Только их мало сейчас. Померзли.

– Знаю. Так вот, я слышал, что если из этого самого кактуса выдавить сок, а потом с этим самым соком еще чего-то сделать, получится убойный напиток под названием «ты-килька».

– Вот кому про что, а Причарду – про пьянку! – сердито сказал я.

– А почему так называется? – поинтересовался зверь. – Под рыбку хорошо идет?

– Да нет. Обзываются после нее. Много и часто. До поножовщины доходит.

– Про поножовщину можешь не объяснять, – покраснел Штуша. – И сам знаю.

– Это разные вещи, – проворчал Прич, но заговорил совсем о другом: – Про ты-кильку мне рассказал Средний Джо...

– Нашел кого слушать, – бросил я. – Он же болван. И длинноносый!

– А мне все равно, когда наливают, – отмахнулся Прич. – Так вот, этот Джо приехал откуда-то из-за леса, из-за гор...

– Это откуда показал мужик топор? – оживился Кутя.

– Тьфу ты, откуда ты такого нахватался?

– Да всякие тут по дорогам шляются. Сначала нажгутся, потом песни орут. Ну, так что там с твоим Большим Джо?

– Большой Джо у нас – первый на кухне. Маленький, но лучший дубинщик в охране. А вот Средний – отменный виночерпий! Есть еще один Джо, но про него я тебе не расскажу – молодой еще. Ну вот, а Средний раньше жил в далекой стране, которую вообще никто не верит. Там все ходят на головах. И вот как раз у них есть такой национальный злодей – Килькавмас. У него зеленая морда и черный костюм. И рот не открывается. Поэтому он говорит животом. И смеется вот так: «х-х-х». Что ни день, то новые ужасы! – удовлетворенно заключил Причард, окончательно вылезая из бузины.

– Какие мы впечатлительные, – буркнул я.
– Я о прадеде еще расскажу, – поспешил вмешаться мохнач. – Он был из нас самый хищный. Только у него всего четыре лапы было – подрался там с одним тезаурусом...

– А он тоже разговаривал? – удивился я.

– А как же! – Восхищенно сказал Штуша. – Он даже пел. Вот послушай.

И Кутя расплясался, грузно топая ногами и время от времени выкрикивая:

– Времена у нас!

– Первобытные!

На третьей строчке он сбил хвостом Громобоя, и тот с прощальным ржанием влетел в ельник.

– Э! Э! – возмутился Прич. – Тоже мне – вегетарьянец! А я на чем поеду?

– На Бозо, – моментально отозвался я. – Вы двое – как один.

– А ты за нами побежишь? – ехидно спросил Прич.

– Нет, – вдруг сказал Штуша. – Он поедет на мне.

– На чем?

– На мне. И не на чем, а на ком. Я сильный, выдержу. Скучно мне здесь сидеть. Поговорить-то не с кем. А везти кого-то мне не тяжело. Особенно если этот кто-то – такой шуплый, как Герман.

– М-м, – неопределенно отозвался Прич и полез в ельник. Мы думали – прощаться, но Причард вскоре вернулся с седлом.

– Пригодится, – сказал он. – Да и украшения можно будет на деньги обменять.

– Так вы меня берете? – напомнил о себе Штуш.

Мне сразу стало легче. Я уже пять минут мучительно соображал, чем я буду освобождать Хрунгильду. Пальцами? Перстами? А с таким-то хвостатым тараном я вмиг всех великанов раскидаю. И вернусь домой с триумфом. Надеюсь, потеряю по дороге Прича... Будущее неожиданно расцвело яркими цветками.

– Конечно, поедем! Втроем веселее! А за тебя я королю словечко замолвлю. Будешь у него боевым драконом.

– Тогда уж – боевой штушей, – съязвил Прич. Но Кутя не обиделся, а весело заурчал, махая хвостом. Во все стороны полетели ветки, камни и куски дерна.

– Можно, да? Можно, да? – подпрыгивал он в возбуждении.

– Пусть его, – барски заявил Причард. – Не объест. Травы много.

– Даже если кончится трава, – поддержал его Штуша. – всегда есть наш друг Прич!

Верный оруженосец сменил цвет лица.

– Это мы так шутим, – сухо сказал я. – Штуш, а как же я на тебя...

Закончить я не успел – мощный хвост, неожиданно обвившись вокруг моего туловища, поднял меня в воздух и опустил аккуратно на шею Куте.

– Удобно? – поинтересовался голубоглаз, осторожно потягиваясь.

Мне было неудобно, но на Бозо лезть не хотелось, хотелось же подразнить Прича, поэтому я с чувством сказал:

– Не то слово! Как в кресле!

– А старина Прич должен трястись на больном на голову коне, – завистливо проворчал Причард.

– А старина Прич, между прочим, оруженосец и права голоса не имеет, – отрезал я. – Двинули, – и мы с Кутей затопали вперед. Прич, бормоча проклятия, затряхал за нами.

Ехать на мохнатом Штуше было довольно забавно, хотя и тряско. Самого Кутю мой вес не слишком заботил, так что почти два часа он сочным баритоном распевал загадочные песни на штушевом языке. Гортанные звуки, неожиданно ритмичные, с неизменным резким взревом в конце каждого «куплета» не давали мне заснуть и здорово подстегивали Бозо, который после

каждого «Хар-р!» торопливо прибавлял ходу, а его тупоголовый наездник вздрагивал, делал движение соскока – соспрыга с коня, а потом мрачно грозил нам кулаком.

Так мы проехали почти неделю. Пейзажи сменялись, погода не портилась, а еды в лесу хватало. Но без приключений не обошлось. На исходе восьмого дня чуткие уши Кути навестились, и он втянул носом воздух, обнажив устрашающие и несколько несвойственные вегетарианцам саблевидные клыки.

– Скачет кто-то, – озабоченно сказал Штуша. – За нами скачет. Торопится.

ГЛАВА 6

*«Сколько волка ни бей, он все убежать норовит»
(Из кладезя народной мудрости)*

– Что будем делать? – нервно спросил Прич. Я-то уже заметил, как он вынул ноги из стремян и съежился.

– Ты можешь... хмм, увести своего коня и спрятать его вон там, в лесочке, – посоветовал я.

– А вы как же? – обеспокоился наш смелый друг. Я уже было подумал о том, что трудные испытания меняют людей, но оказалось, что я просто не дослушал до конца.

– А вдруг я спрячусь, – развивал свою мысль Прич, – а вы удерете. Кому по морде попадет? Любезному Причарду! – и он уселся с надутым видом.

– Да мы же о тебе беспокоимся, глупый, – пробасил Кутя. – Вот будем драться – а ну как зашибем ненароком?

– Конечно, ненароком, – пожал плечами Прич. – Для этого есть хвост! Вот он! – и он показал на Штушу. – Как даст – и ваших нет! То есть, меня. Я пошел. Только смотрите мне!

Бравый оруженосец, невнятно бормоча какие-то обещания и угрозы, слез с коня и потащил его в лесок. Бозо упер передние копыта в землю и сел на задние ноги, откровенно смеясь над своим седоком. Едва проклятья Прича стихли за деревьями, как и я услышал топот копыт. Кто-то проламывался через кусты. Кутя ошетинился, встал на четыре ноги, передние две поднял в воздух, одновременно закрутив над головой хвост. Вдобавок он еще оскалил пасть и издал пробный рык. Я чуть не свалился. Хорошо, что это чудище с душой ребенка на моей стороне!..

Нет, потом я все-таки упал. И покатился по земле, ругая себя за неуклюжесть. И тут раздался голос:

– Эй! Чучело хвостатое! Отойди от моего брата, ты, ублюдок!

Более ошеломленного выражения лица, чем у Кути, мне видеть не приходилось. Разве что у барона Дросселя, который провалился у нас в сортире по пояс, наступив на гнилую доску. Штуша, от того, что его ни за что называли ублюдком и чучелом, вытарачил глаза, обмяк лапами, одними губами сказал: «Вон оно как!» и плюхнулся на свой объемистый зад. Хвост его, как бы живя собственной жизнью, так и свисал над его косматой головой таким плюмажом. Обо мне можно вообще ничего не говорить – я стал похож на рыцаря, не допущенного на финальный турнир из-за штанов неправильной расцветки. Ошалело хлопая глазами, я уселся возле Кути. Ну а как, скажите на милость, я должен реагировать на явление из кустов ее рыжей светлости Матильды в доспехах, рогатом шлеме и верхом на Гвадалквивире – огненном жеребце (в просторечии Вадике), мало в чем уступающем бедняге Громобою.

– Он тебе очень идет, – слабо сказал я, указав на коня. – Только вот беда – веснушек нет.

– Нет, вы только подумайте! – уперла руки в бока Тильда. – Едешь, едешь ему на подмогу, а потом – бац! Он выгоняет оруженосца – кстати, где он? Он бросает доспехи под кустиком – ха! Он нещадно расправляется с несчастным конем – что он тебе сделал, изверг? И, наконец, он заводит дружбу с драконами...

– Мадам! – начал было возмущенный Кутя. – Собственно говоря...

– А ты помолчи, патлатый, пока глаза твои бесстыжие не выщарапала! – отрезала Тильда и, повернувшись ко мне, закончила: -... и пугает свою почти единственную и неповторимую сестричку! Кто ты после этого? Кто он после этого? – спросила она, обращаясь к лесу.

– Дурак он, вот и все, – отозвался лес, заставив Матильду подпрыгнуть от неожиданности, – Дурак и есть. И ящерица его шестиногая – тоже дурак. И конь придурочный. Все они такие, от них вся беда, – и из лесу выехал Причард. Матильда полыхнула и отвернулась.

– Целиком и полностью согласна, – холодно заявила она.

– Значит, обниматься не будем, – подытожил я. – Что вы тут?

– Я с вами еду, – осведомила нас Тильда. – Дома совсем житья не стало.

– Что – вот прямо так сразу? – ехидно перебил я.

– А ты послушай! Леопольд обожрался вареньем на твоих проводах и теперь мается зубами – то его корчит, то просит ему попеть, то спину почесать. Пришел кузнец с клещами, полез ему в рот, а когда мы его палец – полуоткушенный – мазью целебной натерли, сказал, что дергать надо у такого паскудника всю челюсть сразу. И ушел. Послала меня к бабке-знахарке. Та развела церемонию: плясала вокруг котла, мешала в нем метлой, хрипло каркала что-то вроде: «Айб! Бен! Гим!». Потом дала мне щепотку травы, велела заваривать и полоскать зубы. Лео полоскал – ничего подобного. Помогает, но ненадолго. Меня опять за травой...

– А что за травка-то? – озаботился Штуша.

– Да вот, бабка сказала – волшебная, ею знаешь, кто пользуется? Феи молочных зубов! В общем, так и называется – «Чайфей». Редкая травка. Вот, а мне, значит, к этой бабушке приходилось еще раз пять бегать. С каждым разом все меньше, значит, она плясала и каркала, а потом вообще сказала: «Вот тебе образец, сама ищи свою траву. А будешь бегать по десять раз – заколдуешь. Станешь всю жизнь медом торговать!». Бр-р-р!

Сестру аж передернуло. Нет, мед она любила до безумия, но ходить по соседям и надоедать им с просьбами купить свое любимое лакомство?! Во-первых, жалко, а, во-вторых, недостойно дочери Фенриха Маститого!

– Ну-ну, – подбодрил я Матильду. – Дальше-то что?

– Дальше-то, – поддакнул Причард. Штуша ничего не сказал – он объедал молодые веточки с деревьев, смачно жуя и похрустывая. У меня тягуче зануло в животе, но я пересилил себя и придал своему лицу выражение глубочайшего интереса.

– Дальше я замучилась бегать каждый день на поляну и лаяться с феями из-за травы...

– А по-хорошему нельзя было?

– Поди, попробуй! Скажи лучше спасибо, что тебе с этим пакостным народцем встречаться не приходилось! Вот ведь правду люди говорят: «Чем меньше, тем хуже»!

– Люди говорят: «Мал золотник, да дорог»!

– Это не про них. Они хоть и феи молочных зубов, а кусаются – дай Бог каждому! Во! – и Тильда продемонстрировала скопище мелких фиолетовых пятнышек на руках. – Да и прибить их не могли – верткие! А про дихотома слышал? То-то же.

– Я не слышал, – встрял Прич.

– Книжки надо читать, – отрезала сестрица. Я молча заплотировал.

– Так вот. Матушка разрешилась от бремени. Очередной братик, чтоб его... Шесть кило весом, косматый, как медведь. Назвали его в честь пропавшего батюшки. А у святого отца омрачение случилось – сивухи перебрал, ну и окрестил малыша Фенриром. Так мелкий с того дня каждую ночь напролет воеет навзрыд, особенно если ночь лунная.

– Это он так плачет, – попробовал заступиться за маленького Штуш.

– Тебе слова не давали, – огрызнулась Тильда. – Плачет он... А ушки-то остренькие! Ну вот... Так кто, думаете, его качал и стирал многочисленные пеленки? Матушка? Ха! Она всегда вдали от суеты, пиры закатывает. Кормилица? Ха-ха. И не кормилица – той, видите ли, отдыхать нужно и есть мясо, а то, мол, молоко пропадет. Вот я и крутилась – то на поляну за травой, то пеленки прополоскать, а тут еще сплошной скулеж, вытье, оханье и бульканье. Спать можно!

– Ну, куда уж дальше-то, – проворчал я и получил по уху.

– Поговори еще! Вот я и решила вас догнать, пока далеко не уехали. Леопольду я травы наготовила на год, а младенец и без меня проживет. Хоть пару-тройку ночей поспать нормально, на свежем воздухе. А я вам пригожусь. Готовить буду, убирать. Я еще дупла пчелиные нюхом чую – с медком будем!

– Знаю я, как ты убираешь, – холодно сказал я, потирая ухо. – Вещи все с места на место переложишь, да так, что потом не найдешь ничего, а потом будешь гордо ехать на коне и говорить: «Вот какая я уборщица»!

– Ты дождешься когда-нибудь! – Тильда злобно посмотрела на меня. – Вот взяла бы и уехала! Что бы вы тогда делали?

– Ехали бы дальше, – пожал плечами я.

– А мед?

– Мед... Да, мед – это хорошо.

– А готовить?

– Это тоже хорошо. Главное – вкусно!

– Тогда бери свои слова обратно!

– Не возьму! Правду не задужишь!

– Тогда я тоже сейчас про тебя кое-что расскажу...

– Друзья мои! – я приподнялся с места. – Моя сестра едет с нами! Не правда ли, здорово?

– Замечательно, – кисло сказал Прич. – Только женщин нам и не хватало. Вечно их защищай, спасай, а благодарности не дождешься.

– Пусть едет, – кивнул Штуша. – Она смелая. Вон как на меня кричала!

– Кстати, а что это за ископаемое? – подняла бровь сестра.

– Ископаемое ископалось из норы, – пояснил я. – Не дракон. Зовут Кутя. Или Штуша, все равно. Так как Громобоя Прич не уберег, я еду на нем.

– Конь на обед, молодец на ужин, – невпопад разъяснил оруженосец.

– Ты еще скажи – «волчья сыть, травяной мешок», – съязвила Тильда.

– Давайте ее не возьмем, – взмолился Прич. – Пусть катится в свой Фарамор. Я сам по дуплам лазать буду!

– Сам катись! – отозвалась Матильда. – Трус-бойка, шотландская собака! Я и сама, между прочим, могу быть оруженосцем, не хуже тебя.

– Побрить тебя надо будет, – заметил Причард. – В смысле, волосы обкорнать!

– Я вот сейчас тебе что-нибудь обкорнаю! Волосы можно и под шлем спрятать.

– Ага, и ходить, как стукнутая? Тоже мне, Голова В Шлеме!

– А ты – Голова-Шишка!

– О`кей, ребята, хватит! – не выдержал я. – Причард, она не отстанет. Раз уж ты до сих пор не отстал... Поедет с нами, при дворе пристроим ее в Прекрасные Дамы, а то и замуж. Пока пусть готовит и гоняет пчел.

– Уломал, – проворчала сестрица. – Только посуду сами будете мыть, мне руки портить нельзя. При дворе ручки ценятся изящные.

И она продемонстрировала всем желающим собственные изящные ручки, ударом одной из которых она без труда валила быка, а двумя – усмирила даже сводного кузена Троллопа по прозвищу Одним Махом Семерых Побивахом. Про него еще говорили: «Если он семерых одним махом побивает, то скольких же он тогда уложит руками?». Со временем прозвище кузена сократилось до «Троль-с-Битой».

Так я к чему? На одном из празднований Первомая кузен, будучи слегка под хмельком (подумаешь, выдул пару бочек эля), выдернул из земли Майский шест и сим шестом принялся задорно гонять собравшихся по округе. Матильда, выбранная на этом празднике Майской королевой, грозно сдвинула набок свой королевский веночек и устроила Тролля с его битой отменную нахлобучку. Остановив его на всем скаку легким движением руки между глаз,

Тиль хорошенько отметелила его шестом, после чего схватила за штаны, сволокла в замок и сбросила в подвал, где он пересчитал ребрами все ступеньки лестницы. Ей же потом пришлось за ним ухаживать. В смысле, лечить. А Троль, когда протрезвел и подлечился, тут же принялся ухаживать за сестрицей и даже сделал ей предложение, от которого, как ему думалось, она не сможет отказаться. Тильде пришлось его еще раз хорошенько отдубасить, дабы выбить из его бочкообразной головы эту идею. Наша мать ужасно хотела их поженить. И поженила бы, кабы не один несчастный случай на сеновале, после чего его уже называли не иначе как «Троль-с-тросточкой». Кузен после этого срочно уехал, показав на прощанье Леопольду «Камелот», то есть подняв его с земли, взяв обеими руками за уши. Эта гадкая проказа до сих пор пользуется популярностью в нашем поместье.

ГЛАВА 7

*«...В самом деле, почему мед так нравился ему?»
(Из эпиграфии)*

– Чего рот раззявил? – оторвал меня от воспоминаний дребезжащий голос моего славного оруженосца. – Давай помогай!

Мы упаковали заново свои съестные припасы, добавив к ним то, что привезла Матильда, и принялись решать важную проблему: кто на ком будет ехать.

– Вот что, друзья мои, – решительно заявила Тиль. – Как хотите, но на этом хвостатом поеду я. Он помощнее Вадика будет. Только в седле. Дамам нельзя без седла.

Ломовоз Вадик, и правда, судя по всему, утомился нести на себе дородную сестричку. Сколько она весит – оставалось только догадываться (я ее, извиняюсь, не вешал).

– Да я не против, – ответил Кутя. – Надеюсь, обзывания ты оставишь при себе. А то – сброшу.

Он галантно припал на одно колено, дабы Тильда смогла на него взобраться (видимо, не хотел пачкать хвост, но это сугубо мое мнение). Но, так как колен, как и ног, у Штуши было шесть, то он не удержался и шлепнулся набок, с хрустом придавив несколько кустов. Мы захохотали.

– Дураки, – вздохнула Матильда, помогая животному подняться. Помогла столь рьяно, что Кутя опять шлепнулся, на этот раз – на спину. Тут бросился помогать и я. Причард не мог помогать. Он лежал на спине и трясся от хохота. Мы с Тиль, подняв Кутю, некоторое время ждали, пока закончится этот противный верещащий и икающий звук, а потом вывернули (с помощью Штуши) солидный кусок торфа и накрыли им мерзкого хохотуна. Смех прекратился.

– Я с вами потом поговорю, – сухо сказал бурый с зелеными пятнами Причард, вырвавшись из-под торфа, и отправляясь отмываться к ближайшему озерку. Стоило ему отойти на несколько шагов, как прорвало и нас. Даже Штуш, прислонившись для страховки к могучей сосне, дико хохотал, трясая головой и распахнув пасть. Отдышавшись, мы с Матильдой переделали седло Громобоя, чтобы ей можно было ехать на Куте. Тильда взобралась на хвостатого и сделала несколько пробных кругов по поляне.

– Шатает и мотает, – сообщила он, спрыгивая. – Но жить можно.

– Забавно смотрелось, – прокомментировал я. – Как тот мужик с картинки, что нам священник показывал. Помнишь, нет? Ну, на голове у него еще простыня была намотана, и он в домике сидел. В каком – в каком? Нужник знаешь? Вот...

– А причем тут я?

– Так он на такой же туше ехал! Только четырехлапой и с длиннющим носом! Там еще было написано, что она очень громко этим носом рубит и может срывать бананы.

– Что срывать?

– Бананы. Типа шишек, на пальмах растут.

– На чем растут?

– На пальмах. Типа сосен, только без иголок.

– А ты откуда про это знаешь? – прищурилась Тильда.

– Так я же говорю: священник показывал.

– Что за священник?

– А ты что – священника не знаешь? Из Эстора приезжал. Молодой такой. А умный! Я у него почти три дня просидел. А потом он уехал. По делам, сказал. Больше не приедет. А жаль.

– А звали его как? – встрепенулась Тиль.

– Вот запомнил. Что-то с Римом связанное... Рем? Ромул? Нет, не вспомню.

Матильда явно казалась огорченной.

– А я где была?

– Где? Да за облепихой своей вшивой сказала по горам, как коза! Зато я видел тварь с носом, а ты нет! И про бананы знаю!

Но Тильда уже не отвечала, а, нахлобучив на голову рогатый шлем, пыталась меня забодать.

– Два удара – четыре дырки! – обещала она, с пыхтением наскакивая на меня. Я спасся от нее на дерево, где к своему счастью обнаружил пчелиное дупло.

– Ура! – крикнул я сверху. – Мед!

– Я же говорила, что нюхом чую! – обрадовалась сестра.

– Тиль, тащи скорее флягу!

Матильда тут же забыла о намерении пропороть меня в четырех местах и кинулась к багажу. Тут ужасно некстати вмешался Кутя, до тех пор мирно топтавшийся на другом краю поляны и разминавший лапы.

– Слушайте! – ликующе возгласил он. – Я тоже могу носом трубить!

И он издал ТАКОЙ звук, что я мигом слетел с дерева, а Тильду стало на бегу мелко-мелко трясти – Кутин рев резонировал внутри ее шлема. Как она мне потом описывала, ощущение было такое, будто ей в уши засунули штырь, дали по нему молотком и в то же время медленно проворачивали. Мне сразу же пришли на ум строки «И в уши я успел воткнуть и там два раза повернуть мое орудье...», однако делиться ими с сестрой я даже и не подумал.

Самое противное – то, что от вопля нашего маленького трубача прорезались пчелы. Может, проснулись, может, разлились, может – и то, и другое. Факт в другом. В том, что в следующее же мгновение я уже мчался, ломая ветки, к озерцу и рухнул туда, обдав фонтаном мутной воды только что вытершегося насухо Прича. Выяснилось, что сделал я это вовремя – рой в рассуждении кого бы покушать ринулся на него. Бравый оруженосец с медвежьим ревом опять бухнулся в воду. «Голодный, но тяжелый», мелькнуло у меня в голове, так как Прич буквально вдавил меня в дно пруда. Когда я уже начал задыхаться, мой убийца резко перестал меня давить и исчез. Спустя миг и я оказался над водой, глотая ртом воздух. Спасительницей оказалась Тиль – она, грозно нахмурившись, держала нас за шиворот, а мы висели в ее руках, мокрые и грязные, как нашкодившие котята.

– Где пчелы? – отлаявшись от воды, спросил я.

– Я их прогнала, – пожала плечами сестра. – А он – вон чего...

И Тильда мотнула головой в сторону меланхолично жующего Кути.

– Так ты, выходит, муравьед? – удивился я.

– Не, – помахал головой Штуш. – Я пчелоед. И пчелолоб.

– И вот с этими рыцарями без страха и упрека мне придется путешествовать аж до самого Камелота, – и Матильда, громко вздохнув, пошла к лагерю. Ну, то есть, к тому месту, где мы оставили лошадей и поклажу. Мы поплелись я за ней. Я по дороге усиленно размышлял – а ведь, правда, почему эту мерзавку Тильду никогда не кусают пчелы? Тайна, покрытая мраком...

ГЛАВА 8

*«Одна вон довыбиралась – нарвалась на колдунчика!»
(Из выступления скоморохов)*

Переночевав на гостеприимной поляне, мы тронулись в путь только с утра. Я уже смирился и даже был доволен, что Тиль отправилась с нами. Во-первых, у нее оказался прирожденный организаторский талант. Вчера вечером мы под ее чутким руководством соорудили небольшое лежбище, развели костер, поужинали и легли спать, договорившись по очереди дежурить у костра. В результате этой хитрой акции Штуше пришлось отстоять две смены – свою и Прича. То есть сначала-то Причард, конечно, уселся сторожить и даже изображал из себя старого вояку, воинственно грозя выломанной наспех дубиной близ растущим кустам. Но потом сказал Куте, который только укладывался, что ему надо попудрить нос, отошел в кусты, но вскоре вернулся. Охая и приседая, он пожаловался, что угодил задом в репейник и, как человек раненый, нуждается в полном покое. После чего без зазрения совести лег и задрях.

Ночь прошла без приключений. Утром мы свернули лагерь и двинулись в путь. Возглавляла процессию Матильда верхом на Куте, следом ехал я на Вадике, замыкал же шествие, как вы понимаете, Прич Свирепый на губошлепе Бозо. Несколько дней не происходило ничего любопытного, поля сменялись лесами, горы – долинами. Не считая мелких недоразумений, все шло отлично... Что за недоразумения? Конечно, я вам про них расскажу, если интересно. В своем путевом дневнике я кое-что записал, довольно коротко, но так уж получилось:

«Понедельник. Скучно.

Вторник. Проезжали мимо красивой пещеры. Матильдушка зачем-то полезла в нее и была покусана летучими мышами. Промывание желудка и хинин.

Среда. Причарда прихватил понос. Вероятно, обожрался каких-то ягод. На заметку: хорошо помогает отвар тысячелистника. Запретить Причу жрать всю ту гадость, которую он находит по дороге. Ягоды мыть в кипяченой воде. Зачем? Тильда сказала – надо. В сырой воде могут водиться всякие миазмы и палочки.

Четверг. Разнимал Тильду и Прича. Мой невероятный оруженосец раскопал в котелке с взваром какой-то корявый сучок и стал вопить, что он нашел палочку! И что эту палочку Тильда нарочно ему подбросила. Несмотря на неоднократные предупреждения, не унимался. Отказывался пить отвар. Кутя прижал его к дереву, а Тиль заливала лекарство силой. Прич лягался. Теперь Штуш хромает на правую заднюю ногу. Зато Причард не носит каждый пять минут в кусты и не орет оттуда, что он умирает, и что, не кажется ли нам, что лучше просто его прибить. Честно говоря, я бы – с радостью!

Пятница. Скукота!».

Вот как раз в пятницу вечером и произошла с нами эта история. Мы тихонько ехали по проезжей дороге, выглядывая по сторонам местечко для ночлега, как вдруг Штуша приподнял уши.

– Что? Опять скачут? – спросил я, так как уже доверял его чутью и слуху.

– Нет, никто не едет, – сказал озабоченно Кутя. – Плачет кто-то.

Проехав еще с милю, и Причард приподнялся в стремях.

– Точно! – сказал он обеспокоено. – Только не плачет, а вопит во всю глотку! Вон там!

И он показал на виднеющуюся вдали опушку очередного леса.

– Проедем мимо или спасать будем? – осведомился я.

– Я бы проехал мимо, – хмыкнул Прич.

– Я – пострадавшая, меня уже покусали, – сказала Тиль.

– Ну-у-у, – протянул Штуша. – Я – как все.

Все (не считая меня и Кути) хором сказали:

– Ты – рыцарь, тебе и спасать.

– Понятно, – вздохнул я, толкая коня и направляясь к опушке.

– Я с тобой! – вызвался Штуш. – Спасать – это интересно! Я еще никого никогда не спасал! А во-вторых, – шепнул он мне на ухо, – если что, я и тебя спасу.

Я с чувством потрепал его по уху. Не то, чтобы я сильно боялся, просто с таким защитником идти на дело куда спокойнее. Я перехватил поудобнее дубинку и, махнув Штуше, помчался на защиту обиженного.

...Обиженный скоро нашелся. Он лежал на просеке, раскинув руки, и увлеченно кричал. На груди его сидело нечто, похожее на кошку, только с белым хохлом на голове, и точило когти о грудь обиженного.

– Помощь требуется? – постарался я перекричать дикие вопли.

– Помогите!!! Спасите!!! ОГОГО!!! Уйди отсюда, мальчик, не мешай. Спас... Что?

– Я говорю, вам помощь нужна?

– Нет, я просто отдыхаю, – сварливо отозвался неизвестный, вздергивая седую бороду. – Что, сам не видишь?

– Так в том-то и дело, что не вижу, – вздохнул я.

– Хорошенькое дело! – возмутился старик. – Меня, можно сказать, уже почти съели, а он не видит ни шиша!

– Так вы вот на это жалуетесь? – я осторожно толкнул концом дубинки заурчавшую «кошку».

– Между прочим, юноша, «это» – самый настоящий дракон! Только маленький, – разъяснил старик и вдруг заорал: дракон впустил когти поглубже.

– Насколько я знаю кошек, – осторожно сказал я, – вы ему нравитесь.

– А он мне – нет, – отрезал старец. – Кошки – источник заразы! То есть, драконы.

– Ох! – сказал Штуша. – ОХ! Как чешется в носу!!! – и вдруг оглушительно чихнул. Дракончика со старческой груди как ветром сдуло. Мощный поток воздуха унес его вместе с несколькими вырванными из земли кустами в необозримую даль. Старец вопил, держась за землю, пока остатки Штушиного чоха не улеглись. Тогда он перевернулся на спину, поднялся, сделал несколько наклонов, хрустя суставами, а потом, вспомнив что-то, бухнулся на колени да пополз к нам, тряся головой и выкликая:

– Спасители! Благодетели! Ух, вы, мои хорошие! Ух, вы, мои радостные!

– Вы чего, дедушка? – опасливо спросил я.

– Родненькие! – причитал старик. – Дайте-ка я вам, по старой памяти, расцелую ланиты!

И он припал к моим сапогам.

– Мне казалось, ланиты несколько не здесь, – заметил я.

– Ох, как чешется! – не унимался Кутя. – Свербит-то как!

Шестиногий друг приготовился было чихнуть еще раз, но старец быстро вскочил, щелкнул у его носа пальцами, и Штуш осовело замолчал, шевеля носом.

– Не чешется! – наконец сказал он. – Колдун?

– Колдун, – кивнул старик. – Точнее, маг. Волшебник. Магистр тайных сил. Чародей. Повелитель непознанного. Варлок.

– Барлог? – перепугался я. – А ну, как жечься начнешь?

– Варлок, – терпеливо повторил старец. – Чернокнижник, то есть.

– А чего свербело-то так? – жалобно спросил Кутя.

– Как это что? – удивился бородач. – Табак. А, вы не знаете, вам не понять.

Как раз я-то про табак знал. Средний Джо курил большие табачные палочки, и еще рассказывал, будто где-то за морями, за горами, в землях далеких и опасных, живет народ крас-

норожий, но не потому, что в баню любит ходить, а потому что порода такая. И курит он только трубки, причем мирные, не драчливые.

Волшебник тем временем подобрал с земли серебряную табакерку с затейливым вензелем на крышке оной.

– Хороший был табачок, – с укоризной сказал он, глядя на смутившегося Штушу. – Капитанский.

Он вздохнул и вытащил из-под полы своей хламиды гнутую трубку. Я закрылся руками – может, только у краснорожих трубки незлобивые, а ну, как плюнет чем-нибудь? Но маг, видимо, знал как обращаться со строптивцами, и принялся набивать трубку остатками капитанского табака. Я же, пользуясь случаем, как следует рассмотрел спасенного. Выглядел он, как и полагается волшебникам, внушительно: в черной хламиде, черном же плаще, расшитом звездами, остроконечном колпаке (опять-таки черном) и с посохом, заткнутым за пояс. Внешность же у него была самая не располагающая. Сивая борода, желтые от табака усищи, крючковатый нос и маленькие, подозрительно щурящиеся глазки, утопающие в сети морщин.

Маг же в это самое время разглядывал меня и также явно не был в восторге.

– Ну, как тебя звать-то, спаситель, – вымолвил, наконец, он.

– Герман. Рыцарь Фараморский. Сын Фенриха Маститого.

– О! – оживился старик. – И оруженосец у тебя, конечно, есть?

– Ну а как же? – немного обиделся я. – Как и у всех рыцарей. Я от формы не отступаю. Только он нас на дороге дожидается – животом скорбен.

– А откуда ты его знаешь? Наверняка подобрал по дороге?

– Да он наш сосед.

– У! – волшебник был разочарован и не пытался этого скрывать. – Да... Гм... А куда вы идете?

– В Камелот. Только нас там могут не принять. У меня меча нету.

– И ты с дубиной хочешь верно служить королю Артуру? Хо-хо-хо!

– Да это так, временно, – виновато развел руками я. – Вот послушай, какой со мной несчастный случай приключился...

И я попытался, как можно кратче, описать событие, в результате чего...

– Вот так я и остался без меча, – закончил я.

– Не беда, я добуду тебе меч, – рассеянно пообещал волшебник, думая о чем-то своем и ловко лавируя между деревьями. Мы с Кутей в легком недоумении следовали за ним.

«Откуда он знает, куда идти нужно?», размышлял я. Впрочем, вполне возможно, что его сверхъестественные возможности подсказали ему дорогу.

– А! – встретила нашу компанию Матильда. – Явились! Убитых, раненых не предвидится? А это что за старый пень?

– Позвольте представиться, – напыщенно, но несколько сухо отвечивал старец. – Великий волшебник Мерин!

Прич фыркнул. Тильда улыбнулась. Штуша захохотал. Мне тоже было смешно, но я крепился, уважая седины волшебника.

– Чего? – окрысился старик. – Чего смешного? Зовут меня так. И очень просто. У нас одного чародея вообще звали Карим-Абдул Джафар!

Тут и я засмеялся. Напряжение спало. Когда все отсмеялись, волшебник орлиным взором окинул все наше сборище.

– Это, как я понимаю, оруженосец, – и он указал длинным корявым ногтем на Прича.

– Он самый, – вздохнул я. – Причард Калидомский, оруженосец без оружия.

– К вашим услугам, – шаркнул ножкой Прич.

– Ох, какие уши, – и маг повернулся к Матильде: – Юная леди? – слегка поклонился он.

– Моя сестра, – буркнул я.

– «Сестра», – скроила рожу Тиль. – Матильда Фараморская, младшая дочь Фенриха Маститого!

– Ну, так сестра же, – пожал плечами я.

– Старшая! – ожгла меня взглядом Тильда и присела в книксене перед магом.

– Чрезвычайно приятно, – кисло сказал старец, дергая бородой.

– Меня вы уже знаете, а этот великан – наш попутчик, компаньон и тягловая сила Кутольд Ван Штуш-и-Кутуш. Из древнего рода, между прочим.

Волшебник бросил взгляд на Штушу, но ничего не сказал.

– Тронулись, что ли? – буднично молвил он. – Мне тоже в Камелот. По случайности наши пути пересеклись. Не знаю уж, по счастливой или нет.

– Вы мне меч обещали, – напомнил я.

– В курсе, – холодно ответил Мерин. – И будь добр, обращайся ко мне на «ты». К нам, великим и могучим волшебникам, на «вы» как-то не принято.

ГЛАВА 9

*«– А ты что же, не любишь орехов?
– Люблю, но у папы ладонь больше»
(Из народного юмора)*

– А кстати! – как всегда некстати вмешался любезный Причард. – Вот я слышал, что в Камелоте самый главный волшебник – Мерлин. Вы ему не родственник, случайно?

– Случайно не родственник, – хмуро ответил старик. – Случайно это я сам.

– Так ты же говорил... Э-э-э...

– Ну да, Мерин. Я тут поколдовал неудачно, вот буква «Л»* и затерялась. Мне теперь этих букв знаешь, сколько надо? А, куда тебе, – и Мерин махнул рукой. Мне стало немного стыдно за своего оруженосца.

**Латинская буква «Л» – обозначение фунта стерлингов. Почему не «Ф» и не «С» – объяснение очень длинное, зато нудное, и приводить его здесь мы не будем. – Прим. авт.*

– А что же ты, такой могучий волшебник, от такого мелкого дракотика отколдоваться не смог?

– Возвращаясь к вышесказанному, – оборвал волшебник и посуровел. – Позолоти ручку!

Кончик его колпака на петельках откинулся в сторону, обнажая прорезь в колпаке, как в копилке.

Прич поглядел на меня, потом на Матильду, понял, что ему не отвертеться, вздохнул, вынул из кармана монетку и кинул ее в прорезь. Колпак мелодично заиграл: «Ах, мой милый Августин!», а колдун заметно повеселел.

– А потому...

– Стоп!

– Кто это сказал? – с раздражением спросил Мерин.

– Я! – крикнул Штуша. – Я забыл, какой был вопрос!

– Позолоти.

– Рад бы, да нечем, – развел лапами Кутя. – Седло – и то не мое.

– А на желание! – торговался старик. – Если скажу, потом желание исполнишь!

– Трудное небось?

– Какое получится. Да не бойся, ничего страшного, так, что-нибудь по хозяйственной части...

– Давай соглашайся, – дернула Штушу за хвост Тильда. – «Августина» охота послушать!

Кутя кивнул, мы прослушали музыкальное сопровождение, и старец торжественно сказал:

– Как и было оговорено, сперва вопрос: «А что же ты, такой могучий волшебник, от такого мелкого дракотика отколдоваться не мог?». Теперь ответ. Как раз из-за этой поганой буквы «Л». Вместе с ней у меня улетучилось энное количество волшебной силы.

– Какое количество? – опять вмешался Кутя. Мерин молча показал на колпак. Штуш зажал себе рот лапами и отступил.

– И теперь мое могущество прямо пропорционально вот этому, – закончил отвечать колдун и потряс головой. В колпаке зазвенело.

– А я слышал, что у волшебников вся сила в посохе, – робко сказал я.

– В общем-то, вся сила – в волшебном порошке, – строго заметил Мерин. – С его помощью можно разнести любых врагов, и тогда проблем не будет. Но вот остальная сила – в заклятиях. А посох... Враки.

Он с кряхтением взобрался на посох, и тот, закряхтев не хуже Мерина, полетел по дороге. Мы пришпорили лошадей и Штушу и еле нагнали его возле моста через речку. Переправившись, некоторое время мы ехали в молчании. Потом наш неожиданный попутчик неожиданно завел заунывную песню.

- О-он зарезал сам себя-а! – нудел он. – Ве-я-сельый разгово-ор!
- Почему веселый? – не удержалась Матильда. – Зарезал же! Убийство!
- Позолоти ручку! – хитро подмигнул Мерин.

На «веселый разговор» лишних денег не было, и вопрос так и остался открытым. Волшебник же не унимался. Далее из его вокализмов мы узнали, что «в одной эскадрилье служили друзья», «тяжелым басом гремит фугас», «лыжи у печки стоят» и что «здесь вам не равнина, здесь климат иной». На наши наводящие вопросы он отвечал только скабресным подмигиванием и своим вечным «позолоти ручку». Некоторое время мы развлекались тем, что выдавали свои варианты слов «фугас», «эскадрилья» и «Домбай». Меня же больше всего зацепила загадочная «страховка», на которую Мерин призывал молиться. Сплюнув, на всякий случай, через левое плечо, я пришпорил Вадика и проехал вперед, где и продолжил путешествие. Но и здесь до меня долетали вопли Причарда, который, на пару с Мерином, надсадно потягивал: «Какое нам дело до все-ех до вас! А ва-ам – до ме-ня-а-а!!!».

Посоветовавшись с Тильдой, мы выделили, наконец, Мерину небольшую сумму в обмен на то, чтобы он какое-то время не пел, а заодно и рассказал нам все про «страховку». Однако из его объяснений лично я не понял ничего, кроме того, что «у этого термина есть два, абсолютно разных значения, кои сейчас вам и будут изложены в надлежащем порядке»

– Да за эти деньги, – кипятилась Матильда, – он нам и про «эскадрилью» с «лыжами» объяснить должен!

Но Мерин разводил руками, намекал на какие-то «тарифы» и «расценки», после чего пришел в совсем хорошее расположение духа и выдал следующую порцию народного творчества, звучащую чем-то вроде: «Гнусь болотная, притопали старатели, все болота, все ручьи перелопатили!».

– Зря он про гнусь, – поделился сомнениями Кутя. – Ее хоть и не видели в этих местах лет уж так двести, а все-таки...

В это время мы как раз подошли к очередной развилке. Три дороги змеились в разные стороны, дразня каждая своим удобством. Одна была мощеной желтым кирпичом, вторая шла по открытому месту, на солнышке, в конце же третьей заманчиво блестело приятное озерцо.

– Никакой развилки здесь быть не должно, – сказал я.

– А что должно?

– Вон у Прича спроси, он с Хруней ездил. И с папой, кстати.

– Да, – нервно сказал «саблезубый» оруженосец. – Неделю едем лесом, потом пойдут уже логрские деревни, а там и до Камелота недалеко. Никаких развилок здесь никогда не было.

– Да и лес какой-то не лесной, – кивнула Тиль. – Дремучий слишком. В глущобу путь его лежит до дерева Тум-Тум.

– Это не здесь, – отозвался вдруг Мерин. – Это в восточной части. А мы – на западе.

– Что делать-то будем, господа и дамы, а также непонятные существа? – спросил я.

– Можно вернуться! – бодро предложил Прич.

– Можно кинуть монетку, – дал идею волшебник. – Только у меня лишних нет.

– А можно еще прочитать то, что написано на камне, – подал голос Штуша.

Действительно, на развилке полулежала вросшая в землю замшелая каменная плита. Надписи на ней были вырублены на незнакомом языке. Да еще и рунами. Я приуныл.

– Можешь? – спросил я у Мерина.

– Могу. Позолотишь?

– Позолочу.

Я кинул в колпак несколько монет и с удовольствием слушал мелодию, пока старик, тряся бородой, разбирал надпись.

– Вам обязательно надо знать, что написано? Или можно подробности опустить?

– Хотя бы скажи, куда ехать?

– Туда, – показал Мерин налево, на солнечную дорогу. Мы тронулись в путь. Нехорошие предчувствия так и не оставили ни меня, ни моих спутников. Поэтому удивление было не слишком сильным, когда, спустя полдня, солнышко заменили сгустившиеся облака и болотное марево, из которого, выстроившись в цепочку, с лопатами на плечах и напевая что-то вроде: «Хоу-хоу-хоу!», на нас вылезли вышеупомянутые гнусы.

Мерин завопил и быстро нырнул в кусты, где замаскировался: покрылся листочками и выпустил корни. Остальным пришлось отбиваться. Гнусь с визгом и лопатами наперевес ринулась на нас. В первом своем настоящем бою мы не сплеховали: моя дубинка славно гуляла по вражьиим шеям и спинам, ни одна стрела Тиль не ушла мимо цели (а у нее их было три), хвост Штуши, как бешеный, крутился и извивался, разбрасывая гнусов во все стороны. Прич, правда, был безоружен, но его Бозо чудесным образом осмелел и топтал гнусов налево и направо. В один из благоприятных моментов Прич ухватил одного из нечистых за бороду и начал им отмахиваться от остальных. В другой руке у него была, отобранная у этого же гнуса, лопата. Я защиб еще двоих, правда, не до смерти, и Матильда подстрелила одного. И тут Кутя вообразил себя боевым слоном. Он встал на задние ноги и издал свой коронный рев! Гнусь в панике отступила на заранее подготовленные позиции.

– За подмогой пошли, – прохрипел я, утирая кровь: один из противников рассек мне бровь лопатой.

– Не, они всегда по семь ходят, – авторитетно заявил Штуша.

– А я думала, их больше было, – сплевывая выбитый зуб, заявила Тильда. – Я же застрелила не меньше четырех!

– А им твои стрелы – что солома, – махнул лапой Штуша. – Они же нечистые! Вот если бы их было семьдесят, тогда было бы хуже. А так – отмахались.

– Отлично, вышли симметрично, как и полагается у гнуса болотной – всемером! – это из куста вылез принявший свой естественный вид Мерин.

– Просим объяснений, – холодно вымолвил я.

– И никаких ручек! – крикнула Тильда, завидя, что старец уже открыл рот.

– Ты не просил подробностей, – развел руками волшебник. – Сам виноват.

– А сейчас можешь сказать с подробностями?

– Сейчас? Пожалуйста. Прямо пойдешь – колпак потеряешь, направо пойдешь – силы не найдешь, налево пойдешь – в гнусовое болото попадешь.

– А нам-то что?

– В том-то и дело, что руны эти волшебником писаны, волшебникам и предназначались. А мне как-то не очень хотелось и колпак терять, и совсем от волшебной силы отказываться.

– Так значит, ты отправил нас по дороге, где как раз НАМ и грозила опасность?

– Ну да... Но ведь все закончилось хорошо, правда?

– Ну, дед! – пошел на него Причард, угрожающе тряся ушами. – Ну, маг лысый! Щас я тебя под такого гнуса отделаю...

Незнамо как, мой хищный оруженосец очутился прямо посреди лужайки, обманчиво покрытый веселенькой зеленью. Ноги его погрузились в эту самую зелень по щиколотку. Прич сделал несколько движений, как бы давя ногами в бочке облепиху, и погрузился еще немного.

– Эй! Эй, не шути! – испуганно крикнул он. – Лучше со мной не связывайся – я страшен в гневе! Вытащи меня!

Мерин хитро прищурился.

– А ты можешь? – шепнул я ему.

- А то, – отозвался колдун. – Только не хочу.
- Понятно...
- Ну-ка, че еще там за переговоры? – крикнул Прич. – Меня засасывает!
- Что? – кротко переспросил маг.
- Позолоти ручку! – хором крикнули мы с Тильдой и Штушей.
- Ну, нету у меня, нету-у! – завывал Прич.
- Пуговицы, говоришь, золотые?
- Ну!
- А на штанах – брильянтовые?
- Ага!
- Побрильянти ручку!
- Так с меня штаны спадут!
- А так ты утонешь. Что хуже?
- Ребята, ну скажите ему! – Причард чуть не плакал. – Че вы стоите? Он же больной!

Вытащите меня, пожалуйста!

– Тогда мне – золотые пуговицы, – загибала пальцы Тиль. – Герману – брильянтовые, а Куте – серебряные шпоры!

– О Господи, ему-то зачем? – простонал Прич.

– Шпорить буду! – кровожадно заявил Кутя. Судя по его оскалу, Причард понял, кого именно будут шпорить.

– А как же я пуговицы-то отрежу? Мой ножик за голенищем остался!

– Держи! – и Тиль из самых лучших побуждений кинула ему свой кинжал. Причард скрючился, и нож, стукнув его рукояткой по лбу, благополучно ушел в трясину.

– Балда! – выругалась Тиль. – Хороший был нож.

– Капитанский? – выставил бороду Мерин.

– Капитанский.

Прич уже рвал во все стороны пуговицы, с каждым движением уходя в трясину все глубже. Наконец его красное лицо озарилось улыбкой, и на его ладони победно сверкнули три пуговицы.

– А че теперь?

Мерин щелкнул зубами, и пуговицы мгновенно очутились у него на руке. С выражением крайнего благоговения на лице колдун кинул их по одной в прорезь колпака. На этот раз колпак сыграл не Августина, а какую-то незнакомую торжественную музыку.

– Это что? – спросил я.

– «Прощание славянки» – отозвался старец, совершая пассы.

– А кто такая славянка?

– Героическая женщина, вроде валькирии, – пояснил маг, – провожающая любимого, если в поход страна позовет. И все плачут.

– Прошу прощения, – уточнил Кутя. – Любимого кого?

– Всего. Мужа, отца, сына.

– А штушу?

– Если хочешь.

– Тогда я – славянка, – вмешалась Тильда и широким жестом перекинула рыжую косу на могучую грудь. – Плачьте все. Я папу проводила. И сестру. Теперь вот братца провожаю. Скоро одна останусь, буду одинокая, как синица.

– Это точно, – ехидно поддакнул Кутя. – Вон и любимого в болото засасывает.

Тильда кинулась стегать его лозиною. Штуша беззлобно хохотал, а Прич-по-пояс скорбно смотрел на нас из трясины.

Мерин, сложив губы трубочкой, тихонько засвистел. Болото немного вспучилось.

– Ага! – посветлел лицом маг. – Тогда сделаем вот что!

И он подпрыгнул. Зависнув в воздухе, волшебник несколько раз дрыгнул ногами и сплюнул. Тут же у оруженосца на голове возник веночек из ромашек.

– Ошибочка, – невозмутимо сказал маг. – Учтем направление ветра, левый тип дороги, закольцованность мышления и уловку-22.

Он приземлился, стал на четвереньки, поднял голову к небу и коротко взвыл. По трясине пошли волны, но Прича упрямо не желало отпустить.

– Молодой человек, – взволнованно обратился маг к Причарду. – А сейчас вас попрошу мне помочь: я буду творить чары, а вы, в свою очередь, не стесняясь и не выбирая выражений, высказывайте все, что у вас наболело. Вы же, господин рыцарь, – обратился он ко мне, – отойдите в сторону и заткните свои рыцарские уши.

Я не замедлил послушаться. Со стороны освобождение оруженосца выглядело довольно жутко: колдун прыгал через посох, плюясь во все стороны, а Причард медленно выезжал из болота. Губы его беспрестанно шевелились, а на лице было написано невыразимое наслаждение по поводу того, что он высказывает относительно меня, Тильды, Кути, коней, колдуна, короля Артура, всех наших родственников до пятого колена, а также всего этого путешествия в целом. Но вот услышать его страшные слова я бы не хотел – уж очень мне нравятся тихие, спокойные, без признаков кошмаров ночи.

ГЛАВА 10

«Эх, друидушка, ухнем!»

(Из неопубликованного кельтского фольклора)

– Ну, господин волшебник, что ты на это скажешь?

Наша кавалькада доскакала до очередной развилки, от которой вновь бежали три дороги.

И опять посередке валялся камень с рунами.

– Сложное дело, – подумав, сказал Мерин.

– Ты не увиливай, – потребовал я. – Говори четко и ясно, что написано.

– С подробностями?

– С подробностями.

– Позолотишь?

– Нет! Ты еще нам должен за тот раз.

– Так нечестно!

– Все честно. Рассказывай!

– А, вот еще что! – вмешалась Матильда. – Раз уж ты такой скаредный, не мог бы ты нам наколдовать немного денег. И нам хорошо, и тебе позолота.

На морщинистом лице волшебника отразилась жестокая душевная борьба.

– Попробовать-то оно, конечно, можно, – почесал в затылке Мерин. – Раньше вот, правда, никогда не получалось...

Он опять развел какие-то пассы в массы, плевался, рвал, шипя и кривясь от боли, волосы из бороды, а в заключение ритуала громко заскрипел зубами и крикнул: «Джана! Рейшан! Некст!». Тут же в его лапах появились три увесистых мешочка.

– Дай, – разлепил губы Прич (после истории с трясинной и последующей утомительной стирки, усушки и утруски он с колдуном не разговаривал).

Мерин отдал ему мешочки. Прич развязал один из них и жадно засунул туда руку по локоть.

– Что за ерунда? – вскрикнул вдруг он. – Колется!

И высыпал содержимое на землю. Мы склонились над кучкой круглых жестяных разноцветных штучек. На каждой была надпись на непонятном языке.

– В каждой кучке – двадцать три штучки, – проинформировала нас Тильда, под шумок успевшая высыпать содержимое остальных мешков. – И они разные!

И в самом деле, в Причевом мешочке жестянки были красно-белого цвета, а в двух Тилевых – зелено-белые и желто-синие.

– Больно легкие они для монет, – с сожалением произнес я. – Мерин, что ты навалял?

– Это не монеты, – кивнул раздосадованный старец. – Я же говорил, что ничего не получится. Эхе-хе, теряем былую легкость, – и он принялся ссыпать гремящую рухлядь обратно в мешочки.

– Дед, – встрял Прич, вертя в руках одну из кругляшей. – А тута гляди, че нарисовано! Зачем?

– Видишь? Половина рубахи. Найди в другой крышке вторую половину – и получишь рубаху нательную бесовской расцветки, – нараспев сказал старик.

В глазах моего друга оруженосца загорелся азарт. Эту его сторону мы с Тильдой знали очень хорошо – еще в детстве, после игры у стен замка в расшибалочку, Прич нередко убегал домой в темноте, прикрываясь листом лопуха. Вот и теперь он перерыл все мешочки и нашел только такие же, как у него, половинки.

– Че за бред? – вскипел Причард. – Дурят нашего брата! Где вторые куски?

– Кто знает, – меланхолично отозвался Мерин. – Может, у Морганы. А к ней за этим соваться не след. И вообще ни за чем не след.

– А кто такая, Моргана? – поинтересовался Штуша, хрумкая каким-то сочным растением.

– Злая волшебница, – с видимым раздражением сказал маг. – Сестра короля Артура. Да вы что? Вы где живете-то? В первобытном обществе? Про Моргану они не слышали!

– Я слышал, – поспешно сказал я.

– Как я понял, денег не будет, – уныло, но, как всегда, не к месту вставил Прич, взвешивая на руке мешочек.

– Правильно понял, – с неподражаемым сарказмом изрек Мерин.

– Главное, вовремя, – поднял палец я.

– Денег не будет. Будут блинчики!

И мы полчаса соревновались в пускании «блинов» в оказавшемся неподалеку озерке. Никто как следует блины печь не умел, только лягушек распугали. Потом мы с Причем набрали воды, Тильда прокипятила ее, воду слили в мехи и вернулись к развилке.

– Золотить нечем, – развел руками я в ответ на молчаливое постукивание по колпаку. – Говори так.

– Не имею морального права, – постно сказал маг. – Питать мое волшебство нечем, его экономить надобно, посему попрошу ко мне с вопросами временно не обращаться.

– Ну, не хочешь – не отвечай. Но хоть показать-то можешь. Рукой, – и я для большей понятливости помахал рукой перед носом у волшебника.

– Могу, конечно. Все дороги ведут в Рим. Так что езжайте, куда хотите.

– Хотим туда! – и я показал прямо.

– Э-э-э! Туда нельзя!

– Ясно. У тебя там опять колпак отнимут.

– А сюда вот?

– Ишь, чего захотели! Захотуны! И сюда нельзя.

– А там ты силушку свою неумную теряешь. Знаем, знаем. Поэтому туда и поедем – нам-то все равно.

– Ребятушки! – повалился в ноги старик, гремя монетами. – Не погубите! И не жалко вам убогенького?

– Не жалко, – отрезала Матильда. – Ты-то нас не жалеешь. С чего бы это нам тебя?

– Хорошо, – сдался волшебник. – Едем по средней. Там приятно.

– Тебе приятно. А нам?

– А я вас спасу. Наверное.

– Бесплатно?

– Как получится, – туманно пообещал Мерин и прищипнул посох. Кутя грузно затопал за ним, а потом и мы с Причем двинули по среднему пути.

Иногда великий маг вскидывал голову и задорно покрикивал:

– А ведь в Рим идем, граждане!

– В Рим, – нестройно отзывались мы. А что было делать? Собственно, Рим-то нам сейчас был нужен, как зайцу стоп-сигнал. Хотя зачем он вообще нужен – этот стоп-сигнал? И что это вообще такое? Надо будет у Матильды спросить...

И только я открыл рот, чтобы поинтересоваться у сестры о нужности и полезности таинственного сигнала, как вдруг из рощицы навстречу нам вышел отряд загадочных личностей в балахонах и преградил нам путь.

– Вроде не гнусь, – пробормотал я. – Штуш, как же ты их не учуял?

– Не знаю, – ответил мой мохнатый друг. – Не чуялись.

– С прискорбием сообщаю, – неожиданно сказал Мерин, – что вынужден временно вас покинуть. Силы моей не хватит на то, чтобы беду отвести, а хватит только на то, чтобы немедля покинуть вас до выяснения обстоятельств. Что я и сделаю без промедления.

И маг, присвистнув и закужившись, в невесть откуда взявшемся вихре, исчез.

Из толпы вперед вышел высокий худой мужчина со злым лицом и простер вперед костлявую руку. Сверкнула молния, свет дневной померк, и я еще помню, как валился с коня, а больше – ничего...

...Открыв глаза, я первое время не мог понять, где очутился. Да и оглядевшись как следует, не смог этого понять. Лежал я на земле в чем-то вроде беседки, увитой плющом и розовыми цветочками. Рядом со мной лежали Тильда и Причард. Я пошевелился, потом, охнув, сел. Все тело ныло, однако связан я не был, Прич и Тиль – тоже. «Хорошие похитители», подумал я. – «Попытаюсь осмотреться». И попытался. Я стал искать выход из беседки. Но выхода, как и входа, не наблюдалось. Я попытался раздвинуть руками плети вьющихся растений, и в тот же миг меня отшвырнуло назад. Грохнувшись на землю, я невольно взвыл и зашарил руками вокруг себя, как слепой. В глазах стоял зеленый туман, в ушах – зеленый шум, во рту – вкус тоже чего-то явно зеленого. Когда я вновь смог сесть и взглянул на руки, оказалось, что на них отпечаталась каждая жилочка каждого листика, за который я схватился.

– Колдовство, – сказал я вслух.

– А-ай-й, что такое, почему, не хочу, зачем, куда меня утаскивают, ого-й! Хыпп, – вот что я услышал в следующую секунду. А когда повернулся, то и увидел: Прича, потирающего бок, и Матильду, сидящую на корточках в позе боевого орла.

– Разорался, – презрительно сказала она. – Герман, где мы?

– Понятия не имею, – честно сказал я. – Нас захватили какие-то старикашки в балахонах, Штуши нет, и коней тоже нет, а Мерин, подлюка, сбежал! Сразу предупрежу: листья не трогайте. С меня хватило.

И я продемонстрировал им свои руки.

– А зачем мы им – тоже неизвестно. Возможно, это секта стариков, похищающая молодежь, потому что им завидно?

– Вовсе нет, – раздался незнакомый голос. Мы обернулись и увидели в углу беседки кучу тряпья. Она зашевелилась, и из нее вылез парнишка лет семнадцати.

– Привет, – сказал он.

– Здорово, – настороженно отозвался Причард. – Коли не шутишь.

– Ну и уши! Хм-м... А, какие шутки, – махнул рукой парень. – Друиды вас поймали. Поклоняются деревьям. Сегодня ночью как раз полнолуние. Нас в жертву принесут.

– Всех? – тут же спросил Прич.

– А как же. Исключений ни для кого не делают. Им все равно, кого приносить в жертву. Нас теперь четверо, а четыре – цифра магическая. Четыре в комнате угла, четыре ножки у стола, и по четыре ножки у мышки и у кошки. Это они мне так объяснили.

– А чего это ты так спокойно говоришь? – удивился я. – Не страшно тебе?

– Я-то уже свыкся с этой мыслью – давно сию. А вот вы чего не кричите, не рыдаете?

– Я кричал, – признался Причард. – А че – помогает?

– Нет, просто легче становится. Мне-то уже все равно. Всю жизнь привыкаю. С детства. Меня просто баба Яба в обиду не давала, а вот теперь умерла, меня и взяли.

– Какая баба?

– Баба Яба. Яблоня, то есть. Самого главного ихнего злыдня зовут Дуб.

– Странное имечко, – почесал в затылке Прич.

– Так я же сказал – они друиды. Древесные жрецы. Землей питаются. А вот знаешь такого волшебника – Мерлина?

– Как не знать, – вздохнул я.

– Вот он тоже из друидов. Только сейчас он редко заходит. Потому как придет – друиды сразу в карты садятся с ним играть. А он жульничает, выигрывает у них много, а потом сбегает. Время-то идет, обиды забываются, он через пару лет опять приходит. Вот месяц назад был. Ох, Дуб и злился! Мерлин у него выиграл полтыщи! Ну, так Дуб ему и вмазал каким-то заклятьем. Я слышал, пропал он. И в Камелоте не слышали, и Моргана руками разводит.

Я сразу понял, каким заклятьем Дуб приложил Мерлина! Отобрал у него букву «Л». Вот Мерин и бродит по лесам, пока силу не восстановит. И сюда он тоже не хотел идти...

– Нет, ну надо же, какая скотина! – возмутилась Тильда. – Сам сидит в куче навоза, а еще нас подставляет!

– Кто? – перепугался парень. – Что? Какой навоз? Здесь нет навоза, все чисто!

– Да ты послушай! – и наш рассказ о путешествии с Мерином позволил нам скоротать еще один часок.

– Да, хороший у вас друг, – покачал головой парень.

– Уж, какой есть, – развел руками я. – Кстати, как тебя зовут, новый друг?

– Орех Каленый. Можно попросту – Орешек. А вас я уже по вашему рассказу знаю.

– Поглядите-ка! – изумился Причард. – Они даже мешки наши не тронули! И оружие на месте!

– А чего им бояться, – отозвался Орешек, – ежели они стрелу на лету зубами ловят и зелеными молниями кидаются?

– Все равно, – упрямо заявил я, стараясь сдержать дрожь в коленках, – мы просто так не дадимся.

– Ваше дело, – пожал плечами парень. – Только зря это.

– А ты, случайно, не видел наших коней? Или этакого вот, тумбообразного, – показала Матильда.

– Так кониной на все стойбище бы пахло, – разъяснил Орешек. – С животными они не очень. Многие звери кору у деревьев жрут. Так друиды их раз – и в квас. А потом с солью да с маслицем и оприходуют. Я вон и Асьмушку-то спрятал, пока не нашли...

– Это кто? Котенок? – умилилась Тильда.

Орех пошарил в тряпье и выудил холщовый рюкзачок, в котором что-то трепыхалось.

– Сыр у вас есть? – поинтересовался паренек.

Тильда вытащила из заплечного мешка кусочек сыру и протянула Орешку. Тот взял его и кинул в рюкзачок. Там завозилось и зачавкало.

– Да кто там у тебя? – удивились мы.

– Не знаю, – сказал парень. – Но сыр очень любит.

– Беспородное что-то? – уточнил Причард. – Дворняга?

– Да нет, – отмахнулся Орешек. – Я же говорю: непонятно кто. Нашел его как-то в кустах. Лежит, пищит, сыру просит. Ну, подобрал, обогрел. Назвал Асьмушкой и все тут. Он мой друг.

– А почему Асьмушка?

– Ему так больше нравится.

– Покажешь?

– Он не хочет.

ГЛАВА 11

«Черт-чертухно, имя худое!»

(Из чертовской народной сказки)

Вечер встретили уныло. В просвете между растениями, обвивавшими беседку, можно было наблюдать нездоровую активность жрецов. Они бегали по лагерю, суетились, как муравьи, всячески мешая друг другу. Какая-то старая тетка протащила мимо беседки ворох стиранных балахонов, а наш старый знакомец Дуб приволок точильное колесо, уселся с ним прямо напротив меня и принялся точить устрашающего вида нож, время от времени ласково поглядывая на беседку. Стало неуютно.

Ближе к вечеру, когда все песни были спеты, все анекдоты рассказаны, а сыр закончился, суета в лагере унялась.

– Час молений, – пояснил Орех. – Каждый друид идет к своему дереву, приникает к нему и просит сил. Потом как бы засыпает. А набравшись сил, и проснувшись, друид идет за пивом. Оно – как закрепитель.

– А ты?

– А я ж не настоящий друид. Меня в лесу баба Яба нашла, под орешником. Я даже имени своего настоящего не знаю. А уж как с деревьями разговаривать...

В доказательство своих слов парень вытащил из кармана орех, раскусил его, скорлупу выплюнул, а ядрышко аккуратно сгрыз.

– Настоящего друида от этого карачун бы хватил, – пояснил он, дожевывая. – Поэтому Дуб никогда не ест желудей. А жаль – свинья он порядочная...

Мы невольно рассмеялись.

– Да уж, попали мы в переплет, – вздохнул Прич и выругался. – Черт побери!

– Кто меня звал? – раздался вдруг незнакомый скрипучий голос, и в беседку упала яркая звезда. С негромким хлопком она превратилась в странное существо: все какое-то комковатое, клочкастое, волосатое, на руках – когти, на ногах – копыта, а на башке – пара премиленьких кривеньких рожек.

– Кого побрать-то? – осведомился он сварливо.

– А ты кто? – спросила Тиль.

– Я кто? Я-то ясно кто. Черт я, неужели не видно?

– Мне как-то не приходилось раньше видеть чертей, – пожала плечами сестра.

– Ну вот, увидела? Довольна? Так вот. Кого просили побрать? Кто вызывал?

Он открыл дверку на животе, вытащил оттуда записную книжку, покопался в ней, поцокал языком, а потом сунул обратно и лязгнул замком.

– Ты! – важно сказал он и ткнул пальцем в Прича. – Со мной пойдешь!

– Я? – перепугался Прич. – Че это я? Я не хочу!

– А нельзя ли и нам как-нибудь отсюда выбраться? – спросил я.

Черт явно растерялся.

– Странные вы, люди, – наконец вымолвил он. – Прихожу за одним, в адском дыму и пламени, можно сказать, а они тут как тут: «И мы хотим!». А там весьма, весьма жарко!

– Мы не туда хотим! – растолковала Тильда. – Просто нам из этой клетки надо выбраться.

– Из этой вот? – и черт пнул стенку беседки. Тотчас его шарахнуло зеленой молнией, он отлетел в сторону и некоторое время лежал неподвижно. Когда мы уже всерьез стали опасаться за здоровье косматого пришельца, он встал, помотал головой и проскрипел:

– Сделаем так. Вы мне понравились, и я вам помогу. Но не просто так! Вы должны угадать мое имя. И тогда я забираю вот этого ушастого, вас освобождаю и переносу на ту сторону леса. Идет? – и он протянул лапу.

– Никуда не идет, – и Тильда ловко отбила ее своей рукой. – Лучше так: угадаем – всех нас освобождаешь, не угадаем – всех забираешь.

– Черт возьми, заманчиво, заманчиво, – черт заскреб подбородок. Запутался пальцами в кудлях бороды и долго, чертыхаясь и ойкая, выпутывал. Потом махнул рукой и возгласил:

– Ну, давай! Все равно не угадаете! Хотя можно получить две порции сырого шпината за ложный вызов, но в данном случае мне это не грозит. Итак, – первая попытка!

– Наверное, Августин, – предположил я, так как в башке навязчиво вертелась проклятая колпаковская мелодия.

Черт подпрыгнул от радости.

– Нет! – и его волосатая рожа расплылась в ухмылке. – Вторая попытка!

– Тогда Бенедиктус, – сказал Прич.

– Почему? – удивился черт.

– Самое гадское имя, которое мне известно. А че, тебе в самый раз подойдет!

– Поражен твоей эрудицией, – сухо отозвался черт. – Польщен. Однако не Бенедиктус. Последняя попытка! Ну? А? Слабо? – и он заплясал, противно выворачивая ноги и выкрикивая на своем чертовом языке что-то вроде заклятья. – Нимми-нимми-нот! Нимми-нимми-нот!

– Ну, тогда не остается ничего другого, – вздохнула Матильда, – как назвать тебя Том Тит Тот!

Черт медленно разинул пасть. Потом так же медленно закрыл. Потом сказал:

– Но ведь... Но как же... Вот ведь, блин!

– Что, нечем крыть? – расхохотался Орешек.

– Тьфу, – прокомментировал его выпад черт. Но этого ему не следовало делать. От резкого движения челюсть Тома вылетела и упала к ногам Ореха. Тот ловко поднял ее и обтер тряпочкой.

– Впервые вижу черта с чужими зубами, – захихикал Прич.

– А я впехвые вижу чеховека с чухой гоховой! – огрызнулся черт. – Отдавайте хейхях же!

– Даром за амбаром, – быстро сказал я. – Поклянись, что выручишь нас из беды еще раз, когда понадобится!

Черт с отвращением посмотрел на меня и кивнул. Далось это ему явно нелегко. Он даже взялся лапами за голову и с силой наклонил ее. К слову сказать, это был мужественный поступок даже для черта. Я бы за такую ужасную голову и клещами бы не взялся. Мне даже показалось, что из его спутанной шевелюры на меня глядят несколько пар маленьких злобных глаз.

Затем Том выдернул из себя клочок шерсти (я даже рот себе заткнул, чтобы не брякнуть о паршивой овце) и подал мне со словами:

– Когда понадобится – подбхось в вохдух, я и появхюсь.

После чего получил обратно челюсть, мгновенно вставил ее в рот и для пробы пощелкал зубами.

– Жрецы! Жрецы идут! – вскрикнул вдруг Орешек. – Уже почти полночь!

И точно, к нашей беседке приближалась стройная процессия друидов в свежевыстиранных балахонах и с факелами в руках. Впереди шел Дуб, размахивая ножом. Подойдя вплотную к нашей клетке, он воздел руки к небу, устанавливая тишину, и воскликнул:

– Левелинджордж! Краснодаржелдорсервис! Ленгидроэнергоспецстрой!

– Этот друидский, чрезвычайно сложный язык, – шепнул мне Орешек. – Я и то не все понимаю.

Дуб махнул рукой с ножом, полыхнуло зеленым, и стены нашей тюрьмы расступились.

– Ну же, спасай! – заверещал Причард, прижимая уши.

Черт топнул копытом, и мы пропали с глаз изумленных до крайности друидов, как будто нас и не было вовсе. Но мы были. И возникли мы в лесу. Свиристели одинокие ночные птицы, где-то журчала вода, успокаивающе шумели деревья-великаны. Ничто не напоминало нам об ужасе, которого мы только что избежали.

– Я пошел, – сообщил Том Тит Тот.

– Спасибо за освобождение, – с чувством сказал я.

– Подали спасибо, да домой не донес, – холодно отозвался черт. – Мне еще шпинат дома глотать... Брр!

– Ты извини, если что, – поддержала меня Матильда.

– Иди-иди! – мой превосходный оруженосец начисто забыл, по чьей воле мы спаслись. – И не забудь про обещаньице свое! Мы проверим!

– Э-эх! – страдальчески сморщившись, черт свечкой взмыл в небо, и вскоре превратился в одну из сверкающих в вышине звездочек.

– А если все звезды – это черти? – подал идею Прич.

– Придурок, – отозвалась Матильда.

– А че, может, правда?

– Да он еще и больной, – поддержал Орех.

– Столько чертей в небесах, а кто же тогда в аду?

– У него все мозги через уши вытекли, – рассудил я.

– Болваны! Я философствую, а вы!..

Причарда кормили землей до той поры, пока он не признал, что является самым убогим человеком в мире, и что будет отзывать в течение дня на имя Бенедиктус.

ГЛАВА 12

«Вот ваш друг, Билли!»

(Из старинного романа)

Угадайте-ка, кого мы увидели, когда, ориентируясь на звук, наконец, вышли к воде? На поросшем зеленой травкой берегу мирно паслись Бозо, Вадик и Кутя.

– О! – смущенно закашлялся Штуш. – А я вот тут, совсем было, собрался идти вас спасать, да подкрепиться решил: а ну как бой предстоит кровопролитный?

– Да все нормально, – сказал я, плюхаясь рядом с ним на траву. – Спасибо, хоть коней уберег. А спасти бы нас не успел. Мы уже были почти зарезанные и принесенные в жертву.

– Ай-я-яй! – покачал головой Штуша. – Я-то надеялся, что вам ничего плохого не сделают – люди все-таки...

– Ты че, они ж не люди, – объяснил Причард. – Они друиды.

– А вот нас эти друиды точно хотели зарезать и зажарить, а может, на колбасу пустить, я не расслышал.

– В квас, – вспомнила Тильда. – С маслом и солью.

– Ну, так не знали, на кого нарвались, – захохотал мохнатый друг. – Мы с ребяташками как пошли лягаться! Э-эх, как я их хвостом! Э-эх, как я! Их хвостом! Да потом как ломанулись через лес, они и отстали. Я уже хотел назад по следам идти, да вот тут...

– Успокойся ты, все уже позади, – погладила его Матильда. – Ты у нас все равно самый верный.

Штуша и в самом деле успокоился, с шумом и хрустом повалился на бок и засучил ногами.

– А мы от них достаточно далеко? – трусливо заметался Прич.

– Кажется, да, – кивнул Кутя. – Мы долго бежали. Ребяткам в лесу тяжело было, да я впереди скакал, после меня колея широко-окая остается.

– Хорошо, тогда они костра не увидят, – заключил я. – Давайте на ночлег устраиваться.

Мы сделали несколько факелов, при их свете кое-как насобирали хвороста, развели костер, поужинали (сумки мы чуть не забыли в клетке, но жадный до своего и чужого добра Прич, вовремя их прихватил, да еще умудрился слямзить друидское точильное колесо) и легли спать. Дежурить остался Штуша – от радости его пробило на бессонницу. Последнее, что я услышал перед тем, как окончательно вырубиться – мерное хрупанье веток под его громадными зубами...

Утром решили идти вверх по реке, так как дорогу мы потеряли окончательно.

– Можно и поискать, – рассуждал я, поправляя сбрую на Вадике, – но вот кто даст гарантию, что нас там уже не ждут, поигрывая острым ножом?

– Да и в лесу мы плохо ориентируемся, – поддержал меня Прич.

– Коням в лесу тяжело, – тревожился Кутя. – А снова впереди бежать мне не хочется – потом все брюхо зудеть будет.

– А так хоть с водой будем, – подытожила Матильда. Мы проголосовали единогласно при одном воздержавшемся (Бозо пускал слюни и улыбался), а затем свернули лагерь и двинули вверх по реке. Орешка с рюкзаком приютил Штуша – парень сидел в седле позади Матильды и громко восторгался окрестностями, чем сестрицу мою в восторг отнюдь не приводил.

– Мне жарко, – ворчала Тильда. – Уберите мальчика. Боливар не вынесет двоих.

– Красиво, – вздыхал Кутя. – Назвали бы меня Боливаром! Так нет, понадобилось имя какое-то куриное придумывать. Еще бы Кутбертом назвали. Кутберт, Кутберт! – позвал он сам себя, и сам же себе и ответил каким-то квохтаньем и питпитпитканьем.

– Ничего, – утешил его я. – Кутя тебе больше подходит. Боливар злой, больной и хилый.

– Это почему?

– Потому что двоих не вывезет. А ты вон какой!

– Ага! – обрадовался Штуш. – Хоть десятерых вывезу! Если меня, конечно, покормят, – и на этом дискуссия о боливарах была завершена.

Вскоре на нашем пути появились очевидные признаки разумной жизни. Перво-наперво, мы встретили маленького мальчика с тележкой, полной хвороста. В тележку был запряжен маленький ослик, коего мальчишка и вел под уздцы. Одет ребенок был в сапоги не по размеру, загадочный меховой камзол, огромные перчатки и лихо сдвинутую набок шапку. В лесу явственно слышался стук топора. Мы поговорили с попутчиком и узнали, что отец его – дровосек, что семья у них довольно большая, но он в ней единственный мальчик, поэтому – помощник отца, который в данный момент занят вырубкой леса, а сыну поручил возить хворост. Живут они в деревеньке, до которой всего ничего ходу. Далее мы обменялись впечатлениями о погоде, пообещали зайти как-нибудь в гости и расстались. Проезжая через деревню, мы пополнили запасы продовольствия, истратив почти все оставшиеся деньги. Оставив Тильду и Причарда приглядывать за вещами, мы с Орехом отправились в кузницу, решив на последние несколько монет перековать коней.

Кузница встретила нас ворохом искр и звоном бьющего по наковальне молота, а также собакой, которая молча вцепилась мне в сапог. Тут же навстречу нам выскочил подмастерье, оторвал собаку от моей ноги и швырнул в бочку с водой. Раздался вой, собака вылетела, как ошпаренная, из бочки и, облаяв нас на чем свет стоит, кинулась под крыльцо.

– Спасибо, – поблагодарил я.

– С вами все в порядке? – участливо спросил помощник кузнеца.

– Сапог жалко. А так все хорошо, – кивнул я.

– Ну, вот и ладно. Пойдем.

Орешек остался, отговорившись тем, что любит свежий воздух, а я зашел в внутрь кузни, где почти сразу же оглох от многократно усилившегося звона. Подмастерье подошел к кузнецу, азартно махавшему огромным молотом, как тросточкой, подергал его за фартук и что-то тихонько сказал, показав на меня. Кузнец расхохотался и, отложив молот, обтер руки о фартук.

– Вон оно что! – сказал он, сверкая белоснежными зубами. – Опять шавка опозорилась? Ну, ничего, она у нас смиренная, просто очень уж охранять любит. Джек, а как ты с ней сладил? Опять, что ль, в бочку? – и он опять захохотал.

– Кузнец... – робко остановил его я.

– Молодец, – похвалил тот Джека и повернулся ко мне. – Захромал твой жеребец?

– Ты подкуй его опять, – попросил я, протягивая кузнецу оставшиеся монеты.

– Отчего ж не подковать, – и монеты мигом исчезли в кармане его фартука. – Вот – гвоздь, вот – подкова...

– Раз, два – и готово! – с облегчением закончил я.

– Поэт? – с уважением спросил кузнец, выходя на улицу.

– Рыцарь, – сказал я, выходя за ним.

Рука кузнеца, протянутая было к ящику с подковами, замерла.

– А ты один едешь? – сразу севшим голосом поинтересовался кузнец.

Мне стало жутко: а вдруг здесь селенье, в котором население из странствующих рыцарей делает соленья?

– Нет, нас много, – отважно сказал я. – Целая компания. Так сказать, рыцарь и Ко, – и я указал на Орешка, который вышел из-за угла.

Кузнец некоторое время близоруко глядел на нас из-под руки, а потом внезапно сгреб меня в охапку.

– Сбылось! – проревел он, подкидывая меня в воздух. – Сбылось древнее пророчество!
Наконец-то рыцарь Ико вернулся!!!

ГЛАВА 13

*«Подайте бывшему... (и далее – варианты)»
(Из памятки начинающему нищему)*

Честно говоря, из ужасных криков, испускаемых кузнецом, мы поняли только одно – нас, и, в частности, меня, принимают за кого-то не того. Но на все наши наводящие вопросы кузнец – он оказался заодно и старостой деревни – просто отвечал, что это не его дело, но государственной важности, и что в столице разберутся. А его дело маленькое – по наковальне стучать и за крестьянами приглядывать.

Все же мне удалось кое-что вытянуть. К примеру, я узнал, что здешнее удельное княжество называется Леголэнд, по имени почившего в бозе князя Лего. У него был единственный сын, которого подлые оппозиционеры украли много лет назад. Безутешный отец в срочном порядке казнил всю оппозицию, но сына так и не нашел, вследствие чего вскоре и скончался от чрезмерного тревоугодия. И от чрезмерного горя, разумеется.

Опуская ненужные подробности, скажу, что радостный кузнец сразу повел нас на постоянный двор, и даже Штуше нашлось место в конюшне, куда ему распорядились принести великое множество еды в честь праздника. Мы перекусили и отправились смотреть комнаты, которые, впрочем, оказались не так уж плохи для деревенского постоянного двора. Причард, помахав ушами, сказал, что ему нужно спешно идти по делу, и выскользнул за дверь, а мы с Тильдой стали ждать Орешка, который пошел за рюкзаком с Асьмушкой, спрятанный под крыльцом от греха. Чтобы скоротать время, я стал в подробностях рассказывать сестре обо всем, что узнал.

– Точно тебе говорю – ошибка, – заключил я свой рассказ.

– А что за пророчество он упоминал? – поинтересовалась Тильда.

– Дойдя до пророчества, староста так разволновался, что сбежал от меня в шинок и упился там до бесчувствия. И потом – он же сказал, что в столице разберутся.

– А вдруг они разберутся и решат, что мы – оппозиционеры?

– Не решат, сказал я. – Мы же из Фарамора, могут послать гонцов и выяснить, что мы за птицы. Скорее всего, тут какое-то недоразумение. Не будут же нас вешать за недоразумение?

– Были прецеденты, – проворчала Тиль.

– Да и потом, – продолжал я, – политика – дело тонкое. В стране сейчас правит, как я понял, Главный Развлекатель.

– А звать как его?

– Да простое какое-то имя. То ли Шаман, то ли Шуман. Похоже, сакс.

– А что за Шуман? – спросил Орех, входя в комнату и опуская на кровать туго набитый рюкзак.

– Я же говорю – Главный Развлекатель. Любимый слуга покойного князя. Тот, будучи еще в здоровом теле и при здоровом духе, в кубики обожал играть. Ну, у каждого свои недостатки, – развел руками я, глядя, как сморщилось лицо Тильды. Конечно, она-то в игрушки никогда играть не любила. Был у нее один дареный пупс, назвала она его «Партнер» и в угол усадила, чтобы не мешал и в глаза не бросался.

– Так вот, – продолжал я, – и чего они только с Развлекателем из этих кубиков не понастроили! И Королевский Замок, и Пиратский Корабль, и Безлошадную Карету, и вообще Бог знает что еще. А теперь Шуман скучает, создает проекты, воплотить кои никто не решается. Что деревенские, что столичные – еще те строители! Да еще из кубиков.

– Все равно, что-то я не пойму, почему же нас повесить-то не должны? – уперлась Матильда.

– Если хочешь, я схожу, договорюсь, – рассердился я.

– Да ладно вам злиться, – с укором сказал Орешек. – Могу вам радостную новость сообщить: нас завтра под почетным конвоем в столицу отправляют.

– Это приятно. А где ушастый?

– Он за кузнецом увязался, – сообщил словоохотливый Орех. – Сидят теперь в шинке, нагружаются. Прич, как обычно, заливает: «Я с Мерлином на дружеской ноге! Зайдешь, бывало к нему, спросишь: «Ну, как, брат Мерлин?» «Так», – отвечает, – как-то все...». А эти лопухи и уши развесили! Хотя Причардовым и в подметки не годятся.

– Так как же он завтра поедет? – возмутился я.

– Понятия не имею, – отозвалась Матильда. – Твой оруженосец – твои проблемы.

– Меня волнует одна вещь, – медленно сказал Орех. – Асьмушка растет. Местные косятся – в котомке шевелится кто-то. Подозрительно. А он не хочет вылезать, стесняется. Как вы думаете, можно мне с вами в город не ходить, а в лесу обождать? Тем более, я бы вас выручил, если б случилось что.

– Ну, – задумался я, – как-то неудобно тебя бросать.

– Вы только не подумайте, что я испугался или сбежать хочу, – торопливо сказал парень. – С вами интересно. Мне за дружбана обидно.

Он погладил мешок, который заурчал и потянулся. Орешек сунул в него кусочек купленного в деревне свежего сыра. Мешок зачавкал.

– Тогда лучше сейчас иди, – решил я. – Завтра из-под конвоя не удерешь.

– Если будут спрашивать, скажем, что ты был не с нами, а просто по дороге прибился. Приключений решил поискать, – поддержала Матильда.

– Хорошо, – кивнул парень, встал и закинул за плечи обиженно запищавший рюкзак. – Дорогу к столице я найду. В лесу переночую, мне не привыкать. Сыр и хлеб у меня есть. Асьмушку в лесу спрячу, а сам буду в город наведываться, узнавать, как и что. Если все нормально будет – узнаем дорогу в Камелот и дальше пойдем.

Мы кивнули. Орех коротко попрощался и бесшумно вышел. Я подошел к двери и прислушался. Судя по крикам и песням, несущимся из шинка, его ухода в ближайшее время никто не заметит и в погоню не кинется. Я отошел от двери и поглядел на Матильду. Та была мрачна, как смертный грех.

– Думаешь... – начал, было, я.

– Конечно, – сухо сказала сестра. – Замыслил что-то.

– Знаешь, я так не думаю...

– Почуял, что дело пахнет керосином.

– Чем-чем?

– Ну, жареным. И смылся. И удрал. И смазал пятки. И наострил лыжи. И..

– Что-что?

– Ладно, я пошла спать, – и Тильда прошла к выходу. Приостановившись у двери, она обернулась.

– История рассудит нас, – сказала она с достоинством, откинула с лица рыжие волосы и царственно удалилась.

Слава Богу, в эту ночь спать нам никто не мешал. Причард вместе со своим храпом и тревожным хлопаньем ушей ночевал у старосты, с которым, кажется, почти породнился (в хорошем смысле этого слова).

Наутро мы оседлали Вада и Кутю, и, провожаемые почетными жителями деревни, двинулись в столицу. Тут только мы узнали, что еще с вечера туда был отправлен гонец на самой резвой лошади. Причарда по старой доброй привычке приторочили к седлу Бозо, который плелся за нами, оттопырив нижнюю губу и оставляя за собой клейкую дорожку слюны. Староста, свежий, как огурчик и, ради такого случая, умытый, сидел на телеге, нагруженной собран-

ными на дорожку припасами и подарками. Но спустя полдня он выкопал со дна телеги бочонок с известным содержимым, в три глотка осушил его и решил одарить нас развеселой песней. «У вас там таких, небось. не поют!», горделиво заявил он и, сыграв на губах вступление, начал:

– Жил-был стрелец, удалой молодец!
И была у него жена – любительница пшена!
Потому что была она птицею —
То ли журавлем, то ли синицею!
Эх, синицею! Ох, синицею!

И эта синица – вот, мля! —
Удрала от короля!
А король тот, от огорченья
Пожрал прокисшего варенья,
И старинного печенья,
Ну, и помер в страшных мученьях!
Эх, мученьях! Ох, мученьях!

А стрельца с его птицею —
То ли журавлем, то ли синицею —
Повели тотчас короновать,
А оттуда – в кровать,
А оттуда – пир пировать!
И я там был, мед-пиво пил,
Рукавицей закусил!
Эх, закусил! Ох, закусил!

Спев, он поклонился, затем хлопнулся на спину и захрапел.

Ехали мы тихим шагом, но к утру следующего дня были уже в столице. У подъемного моста в княжеский замок толпился народ. Смотрели настороженно и шапки ломать, как в деревне, явно не торопились.

– Вот и столица! – бодро вымолвил, проснувшись, помятый староста.

– Как хоть зовется? – спросил я.

– Ну, дык, если страна зовется Леголэнд, то столица у нас получается Легого!!!

Последнее слово он проревел так громко, что наши кони ответили ему таким же громовым ржанием. По толпе собравшихся прокатилось оживление. А уж когда Штуша решил не ронять морду в грязь и издал свой трубный зов, наши встречающие запрыгали, засвистели и закричали: «Ура!». Подъемный мост со скрежетом опустился, на него выкатили и тут же расстелили красную ковровую дорожку, и уже по дорожке навстречу нам, подпрыгивая, спустился маленький пухленький человечек (я так и не понял, для кого расстелили дорожку – для нас или для него?).

– Что за представление! – кричал он. – Гениально! Потрясающе! Я бы и то не выдумал лучше! – и он быстро-быстро потер свои руки, словно пытался добыть огонь трением. – Так кто из вас рыцарь?

И он строго уставился на Матильду, явно имея в виду ее рога.

– Нет, не я, – испугалась сестра. – Вот он, Герман. Наш рыцарь!

Я церемонно поклонился.

– Великолепно! Замечательно! – взорвался вновь толстячок. – Проезжайте, милостивые государыни, милостивые государи, милейшие кони и существо с невероятным голосом! Прощу! Прощу! Прощу!

Он кланялся так быстро, что я стал всерьез опасаться за его спину, связки и сухожилия.

– Простите, – попробовал я вставить словечко, – а как же кузнец?

– А зачем нам кузнец? Не, нам кузнец не нужен, – помотал головой коротышка. – А это вот – ваш оруженосец?

– Оруженосец, – кивнул я.

– О... жно... сц... – сказали с седла Бозо.

– А где же оружие? – удивился толстячок.

– Оружия, к сожалению, нету, – развел я руками.

– Нету, – эхом отозвался Прич.

– Найдем, – энергично кивнул человечек.

«Один вот тоже обещал», – с тоской подумал я, пришпоривая коня и въезжая на мост. За мной двинулась остальная компания. Деревенские сдернули кузнеца с телеги, попрощались и долго махали нам вслед.

Как только наша кавалькада оказалась по ту сторону моста, в замке грянул оркестр, выводя какую-то задорную мелодию. Вот только состоял оркестр в основном из волынок, поэтому задорная мелодия состояла из стонов, вздохов, нытья и вытья. Впечатление было такое, будто на стадо баранов уложили бревно и раскатывают их, как тесто.

Наш встречающий ревниво поглядел на нас, пытаясь угадать мнение о музыке. Наши с Тильдой лица были непроницаемы, Причард всхрапнул, и толстячок успокоился. Но не совсем. Он вдруг вскочил, подбежал к оркестру, после короткой борьбы вырвал у одного из музыкантов волынку и принялся ее терзать, увлеченно топая в такт ногами. Я заскрипел зубами и обнаружил, что вношу приятное разнообразие в мелодию. Тильда томно обмахивалась рогатым шлемом. Штуша же был в очевидном восторге от музыки и даже пытался подтягивать, мыча что-то занудное и протяжное.

– Впустите собаку! – это все же проснулся Причард.

– Бом! – это Тильда стукнула его шлемом по лбу, после чего мило улыбнулась собирающемуся обидеться коротышке, – Делириум тременс. Сик транзит люпус эст. Ад либитум, аут Цезарь, аут нихиль!

– Примерно так, – перевел я, – Бредит, волчара, такова жизнь, черт возьми, нехило!

– Превосходно! – разинул рот толстячок. – Что это за наречие?

– Этот друидский, – заученно пояснил я, – жутко сложный язык.

ГЛАВА 14

*«Давишь слово – крепись, а не давишь – как хочешь»
(Из народной мудрости)*

Жили мы в замке Легого, не тужили. Встречающий нас коротышка, как вы уже догадались, и был Главным Развлекателем. Да, уж что-что, а развлекать он умел на славу! Охоты, балы, турниры сыпались, как из рога изобилия. В перерывах между развлечениями я тоже научился мастерить из кубиков всевозможные штуки. Развлекатель от первой же построенной мной Летающей Лодки был в диком восторге и тут же завалил меня разнообразными проектами. Иногда меня покусывала совесть, и я отправлялся на поиски друзей. Кони и Кутька паслись где-то на княжьих лугах, приползая под вечер на подкашивающихся ногах, и тут же ложились переваривать обильную пищу. Прич не появлялся на глаза, днюя и ночуя в винном погребке. Матильда же вела напряженную светскую жизнь.

– Слушай, – остановил я ее как-то раз, когда она неслась по коридору, поддерживая невообразимое количество юбок. – Мне покоя не дает одна вещь. По-моему, мы здесь все-таки незаконно. Ты же сама говорила, что нас должны повесить, а теперь только и делаешь, что треплешься с придворными дамами и серенады по балконам слушаешь!

– Что ты ко мне привязался? – огрызнулась Матильда. – Ты с Развлекателем говорил? Кстати, ты узнал, как его зовут-то по настоящему?

– Строфабор, – хмуро сказал я.

– А как же Шуман?

– Не Шуман, а Шульман. Шульман Строфабор. И упаси тебя Бог, назвать его Крохобором – сразу заточат в Свинцовую башню. Это у них на рыночной площади. Жутко обидчивый тип этот Шульман. Добрейшей души человек, но сгоряча может и посадить. Лет эдак на пятьсот. Меня, правда, не посадит. Мы с ним сдружились. Я по его чертежам вчера такую башню отгрохал, что Боже мой! Только она кренится все время, сволочь.

– Ну, так что он тебе сказал-то? – отрезала Тиль.

– Что-что? Сказал, что мы его гости возлюбленные, вот что! Видимо, коронуют меня в воскресенье, как принца Ико. Хотя никакой я не принц, и он это прекрасно знает, да ему и наплевать, лишь бы я его задумки в жизнь воплощал.

– А ты ему говорил, что нам все-таки в Камелот надо? Сказал бы, что ждут нас там.

– Так он и не возражает. Только возвращайся побыстрее, говорит, а то мне скучно делается сразу.

Конечно, я умолчал, какими жуткими карами грозил мне Строфабор в случае невозвращения. Да я и не особо обращал на них внимания: давно раскусил, что Развлекатель мечет громы и молнии и тут же про все забывает.

– погоди, а зачем тебе ехать? – почесала в затылке сестра. – Чем тебе не нравится иметь собственное княжество?

– Да всем нравится, в общем-то. Одно настораживает. Шульман-то спохватился, пока мне расхваливал прелести местной жизни. Сказал: «Есть у меня одно маленькое условие...».

– И какое?

– Сам пока не знаю. Сказал – доложит в пятницу вечером. Не нравится мне это.

– А я сегодня на рыночной площади Орешка видела, – доложила Тильда, еще раз энергично почесав шевелюру и воткнув туда роскошный цветок. – Не наврал, значит. Ладно, хватит пресмыкаться. В пятницу все выясним. Пшел!

И я пшел к своим кубикам – надо же попытаться выпрямить башню.

До пятницы я убивал время тем, что принимал участие в королевских скачках. Верхом на Штуше. Причарда выволокли из подвала, окатили ведром ледяной воды и усадили на Бозо. В результате ловкий жокей и его молниеносный конь побили рекорд ипподрома по сбитым препятствиям и падениям в ямы с водой. К концу стипльчеза Прич уже был трезв, как стеклышко, и мрачен, как сборник сатирических стихов. Мы с Кутей тоже не вышли победителями – мой верный «конь» протаранил всю полосу на едином дыхании, верный своим слоновьим заветам (в роскошной княжеской библиотеке нашлась удивительная книга про разных животных, где Штуш с восторженным ревом узрел своего носатого любимца). Однако развлекатель благоразумно поставил нас последними, иначе остальным ездокам не осталось бы ни одного препятствия. Матильда с трибуны обозвала Кутю «вездеходом». Я было полез на трибуну разбираться, но Штуша меня отговорил – ему слово понравилось.

– Я теперь, – разглагольствовал он по пути в конюшню, – перед своим именем титул поставлю. Послушай, как звучит: «Слон-вездеход Кутольд Ван Штуш-и-Кутуш Камелотский!». Ну, это если я придусь ко двору, – закончил он со вздохом.

– Куда они денутся? – пожал плечами я. – А имя хорошее, редкое.

Возвращаясь в замок, я был напуган жутким лаем, раздававшимся из-за угла Свинцовой башни. Решив, что это свора бродячих собак решила напасть на неустрашимого рыцаря, я подобрал палку и встал в позу лесоруба. Однако из-за башни уныло выбрели мокрые Прич с Бозо, сипло бухикая на два голоса. Их-то кашель я и принял за лай. Вместе мы дошли до конюшни, где Причард тут же завернулся в попону, укатился куда-то за тюки с сеном и попросил не беспокоить. Я же, наконец, ушел в замок. Зайдя в собственную комнату, я без сил рухнул на постель. Хотелось, по примеру Прича, тоже попросить кого-нибудь меня не беспокоить, но сил на это уже не было. Я забылся тревожным сном, который, правда, вскоре прервался. Оттого, что меня потрясли за плечо и голосом Развлекателя сказали:

– Проснись, о рыцарь! Уж полночь близится, а Германа все нет!

– Куда? – проскрипел я, разлепляя веки. Строфабор с факелом наклонился к моей кровати.

– Как, то есть, куда? – изумился он. – Пятница же!

– Условие? – каркнул я.

– Угу, – кивнул он. – Одевайся и пошли. Да сумку захвати, может, чего будет.

Я захватил сумку, оделся, и мы пошли. Несмотря на бурную общественную жизнь, придворные строго соблюдали режим дня, то есть никаких пьянок-гулянок после одиннадцати. Поэтому единственными бодрствующими, которых мы встречали, были часовые.

Мы взобрались по винтовой лестнице на самую высокую башню замка и очутились в маленькой комнатке на самом ее верху. Открыв дверь, Шультман долго шарил рукой по стене в поисках кольца. Нашарив, вставил в кольцо новый факел (старый потух еще на середине лестницы) и зажег его. Комнатенка озарилась неровным мерцающим светом. Она очень походила на берлогу черного мага, да вот устроено все в комнатке было слишком красиво и любовно. На письменном столе был художественный беспорядок, состоящий из бумаг, звездных карт и книг, а в уголку притулился чей-то тщательно отполированный череп, к тому же увенчанный оплывшей свечой. Пентаграммы на полу были четко очерчены и после аккуратно полустерты. В шкафу у стены стояли разные баночки и скляночки с наклейками, на которых было небрежно написано что-то вроде «Крокодилы слезы», «Моча молодого поросенка» и «Кудри плешивого». В крыше было прорублено окно, в которое уставилась большая труба на треноге.

– Не видывал, небось? – подал голос Строфабор. – Называется «телескоп». Люблю, знаешь ли, на звезды позирить. Как тебе тут? – он обвел рукой помещение.

– Смотрится, – похвалил я. – Особенно череп.

– А, оппозиция, – буркнул Развлекатель, нацепил на нос очки и сразу стал жутко таинственным. – Так вот. Как ВрИО князя...

- Что? – поразился я. – А я думал, что тебя зовут Шульман...
- Как временно исполняющий княжеские обязанности, – терпеливо повторил Строфабор, – вынужден довести до твоего сведения следующее...
- Говори проще, – сказал раздраженно я. – Спать хочется.
- В общем, еще при жизни князя Лего ему было видение. Свидетелей тому – тьма, так что не пытайся отвертеться.
- Я и не пытаюсь, – пожал плечами я. – Только откуда же взялись свидетели, если видение было князю?
- Это неважно, – отвел глаза Шульман. – Короче, князь сказал, что ему было сказано, что ровно через пятнадцать лет после его смерти вернется пропавший принц Ико и принесет голову дракона.
- Да где же я возьму эту голову? – перепугался я. – Может, у настоящего принца и было хобби – отрезать походя головы драконам, но я-то не имею такой привычки!
- Возможно, но не в этом дело. И Бог с ним, с этим принцем, есть он на самом деле или нет! Мне-то ты понравился, а раз настоящий принц не явился, сам виноват – как-никак, пятнадцать лет прошло, мог бы и подготовиться, и голову пораньше найти. Гм-м. А насчет дракона ты особо не волнуйся. Есть тут у нас один, так у него аж две головы – выбирай любую!
- И никак?
- Никак. Уж извини, но я тут не князь, законы издавать и поправлять морального права не имею. Тут народ законопослушный – сомнут и сожрут.
- А зачем ты меня на башню тащил? – вспомнил я. – Что, внизу нельзя было сказать?
- Строфабор покраснел.
- Для пущего эффекту, – шепотом сказал он. – Тут так таинственно и красиво. Ну, раз уж тебе все ясно, тогда...
- Он хлопнул в ладоши, и в комнату вошли два стражника – усатый и бородатый.
- Фобос и Деймос, – представил их Развлекатель.
- Можно просто Федя, – пошевелил усами первый.
- Можно просто Дима, – подергал бородой второй.
- Ты уж прости меня, старого дурня, – задушевно продолжил Шульман. – Друзья твои, пока за драконом ходишь, пока тут побудут, а то сбежите ненароком. А где же я тогда еще одного принца найду? Вот придешь с головой – милости прошу, коронуем и иди тогда на все четыре стороны – хоть в Камелот, хоть в Фарамор. Только с возвратом.
- Оружие-то хоть дадите? – смирился я.
- А как же? Щит с мечом, – гордо сказал Строфабор.
- По тому, как он это сказал, я сразу подумал – тут какой-то подвох. Но нет, Федя выскочил за дверь и тут же притащил остро наточенный и хорошо сбалансированный меч, а также небольшой, но очень прочный щит. Я осторожно взял меч и сделал несколько пробных замахов. У Димы от смеха затряслась борода, а со стола упал перерубленный пополам череп.
- Навыки есть, – одобрил Шульман. – Справишься. Кстати, даем еще тележку припасов и карту леса, масштаб один к шести. Драконье логово обозначено пупочкой.
- А не боишься, что удеру, наплевав на всех и вся?
- И на сестру? И на слона своего? Да перестань. Если бы ты был с одним оруженосцем, я бы еще понял. А так... – Строфабор улыбнулся. – Нет уж, раз ты мне сразу понравился, значит, юноша благородный, сам не смоешься. Уж в людях-то я хорошо разбираюсь. И поэтому Причарда с тобой не отпущу. Он-то уж точно сбежит. Хотя некуда, – оборвал он сам себя. – Сзади и с боков от замка я на всякий случай охрану выставлю. А дракон как раз на дороге к Камелоту разлегся. Так что двойная польза, понял? Ну, давай, скоро рассвет.
- Выхода нет, – вздохнул я.

– Ключ поверни, и побежали, – напомнил Феде Развлекатель. Что тот и сделал, после чего мы вчетвером спустились к моей комнате.

– Ребята тебя до леса проводят. Тачку доvezут, да и ты целее будешь. А то еще повернуть надумаешь. Нехорошо получится. И меня подведешь, и сам не уйдешь.

– Больно надо, – презрительно сказал я, хотя сердце так и екало. К тому же в затылок сурово сопели охранники, а когда тебе сурово сопят в затылок, всегда дрожь пробирает. Не верите? Попробуйте как-нибудь на досуге...

К утру я был уже совсем готов.

– Дай хоть с ребятами попрощаться, – попросил я Строфабора, который в этот момент с визгом и хохотом, а также с десятком придворных носился по двору, играя в «ручеек». – Может, дракон меня слопает – принц-то я липовый. Ну, дай!

– Ох, – пыхтел Строфабор, пролезая через коридор поднятых аркой рук придворных. – Уф. На ключ.

– В башню небось посадил, чудище безобразное? – прошипел я.

– Да ты что? – отмахнулся Шульман. – Я же не зверь какой. Чтоб тут сыр-бор разгорелся? В конюшне они, а заперли их по причине отсутствия замка с внутренней стороны. Эге-ге! – и он с ликующим воплем ввинтился в резвящуюся толпу. Я поправил меч, висящий на боку, и пошел в конюшню.

– Ну и как тебе условие? – ехидно поинтересовалась у меня любимая сестренка.

– Знаешь, что? – вскинулся я. – Могло быть хуже! Старому князю могло привидеться торжественное откусывание головы принцезой сестры злобным шестипалым существом.

Штуша в доказательство широко распахнул злую пасть.

– И что самое страшное, – поднял я палец, – так это то, что у настоящего принца никакой сестры не было!

– А что было? – вмешался Кутя.

– Особые приметы, – забубнил я на память заученные строчки из видения. – Татуировка в виде дракона через всю спину.

– Они все помешались на этих драконах, – покрутила пальцем у виска Тильда. – Сплошные драконы! Может, они все тут драконы, а нам глаза отводят?

– Ага, – кивнул я. – И кому голову я пойду отрубать?

– Ну, – смешалась Тиль. – Кого найдешь. Кто-то там все равно есть, еще и двухголовый.

– Ладно, мне пора, – сказал я. – Обниматься не будем, рано еще. Кто хочет проводить – идемте.

Вместе мы вышли к воротам. Там уже ждали меня Федя с Димой и хмурый Развлекатель.

– Можно, я с ним пойду? – попросил Кутя. – Пропадет ведь!

– Не положено, – покачал головой Шульман. – По квитанции – принц рыжий одна штука.

– Я не рыжий! – оскорбился я. – Я рыжеватый. Пепельный блондин, между прочим, не то, что некоторые.

И я покосился на сестру. Та уже открыла рот, чтобы огрызнуться, но не стала, потому что Строфабор щелкнул пальцами и замкнул ей уста.

– Торжественный момент, – повернулся он ко мне. – Итак, мой добрый принц, пора тебе в дорогу. Ступай же, будем ждать тебя с нетерпением, а еще лучше – с головой драконьей. Ежели до завтра не вернешься – высылаем экспедицию на поиски твоего брэнного тела. Похороним с почестями, не торопясь, по пятерке на лицо.

– Кому?

– Страже. И по рюмке водки – в знак траура.

Я обнял Тильду и почесал Штушу за ухом.

– А Причард где? – вдруг вспомнил я. – Где мой достославный?

– Оставь его, – взмолилась Тильда. – Он так устал, бедняжечка. Сломил его столь долгий путь из Фарамора. Отдыхает на тюках с коврами златоткаными...

– Ну и пусть спит, все равно обниматься с ним не буду, – и, потрепав по доброй морде Гвадалквивира и с омерзением оттолкнув путающегося под ногами Бозо, я вступил на подъемный мост, через который совсем еще недавно с таким триумфом заходил в замок.

– Ведите уж, – сказал я своим провожатым и вздохнул. Будущее неожиданно так ясно представилось мне в виде огромного красного мешка драконьего желудка, что аж передернуло. – Драконам тоже есть надо...

ГЛАВА 15

*«Ну, и как всегда – ЧАО-О!!!»
(Из народного театра)*

– Стоп, – заявил я, как только мы с Федей и Димой начали углубляться в лес. – Дальше я сам. Исчезните.

– Так не положено, – неуверенно сказал Федя.

– Мы же договорились – до логова, – обеспокоено добавил Дима.

– Сам справлюсь, – отмахнулся я. – Тут же недалеко, всего несколько лиг. Что я – меч не дотащу? А поесть и сейчас можно.

– Можно! – и Федя тут же расстелил скатерть, а Дима мгновенно расставил на ней еду из тачки. Тут меня поразила одна догадка.

– А вы кем работали в замке? – задал я коварный вопрос.

– Пекарь, – встопорщил усы Федя.

– Кашевар, – выставил бороду Дима.

– Очень приятно. Значит, у вас в замке и охраны никакой нормальной нет?

– А зачем? Нас никто не обижает. С востока и запада у нас хорошие соседи, а с юга дракон никого не пропускает. Так что ты ему хоть одну голову оставь, защитнику нашему!

– Оставляю, – туманно пообещал я. – А на севере что?

– А на севере у нас, говорят, Камелот.

– Кто говорит?

– Да ты же и сказал! Хотя Камелот вроде на юге, аккурат за драконом. На севере ж диком стоит одиноко большой ледяной великан, – процитировал по памяти Дима.

– Конечно! – улыбнулся я. – Какой же я дурак. Давайте есть.

И мы дали есть. Потом, когда сытые и довольные охранники повалились на землю с твердым намерением задать храпака, я засобирился. Пovyкидывав из мешков содержимое, я перепаковал их так, чтобы можно было взять с собой только один: с едой для Ореха и мазью от ран для себя – а вдруг пострадаю? Остальные два мешка я спрятал в кустах. Потом взвалил кладь на себя, поправил перевязь с мечом, развернул карту и пошел на поиски противника.

– Э-эй! – раздался слабый голос. Я повернулся. Дима, приподнявшись на локте, с укором смотрел на меня.

– Сбегаешь, значит? – сказал он уныло. – А нас за это казнят, если тебе интересно.

– Куда я сбегаяю? – удивился я. – К дракону иду, видишь? По карте, как и было сказано.

– А щит чего не взял?

– А зачем он мне? Я с мечом-то не знаю, как управиться, а еще щит с собой таскать?

Нет уж, дудки!

– Дудки так дудки, – и Дима, уронив тяжелую голову на живот товарищу, гулко захрапел. А я все-таки развернул карту и пошел к дракону в пасть.

Долго ли, коротко ли я шел, и вдруг услышал за деревьями потрескивание костра, а затем увидел и сам костер. Возле него сидел Орешек и жарил сосиску на палочке. Заметив меня, он приветственно кивнул.

– Садись, – сказал он и протянул мне сосиску. – Горячая, собака!

– Спасибо, не хочется, – отказался я.

– А остальные где? – спросил Орех, откусывая сразу пол-сосиски.

– На конюшне заперты, – вздохнул я. – Меня вот за драконом послали.

Парень замер с не дожеванной сосиской за щекой, затем волевым усилием сглотнул ее и, заметно волнуясь, спросил:

- За каким драконом?
- За любим. Где-то здесь, говорят, один из них ошивается.
- И зачем им дракон?
- Да им весь-то не нужен, хоть бы голову принести...
- Орех вскочил на ноги.
- Не дам, – сказал он сквозь зубы. – Он мой!
- Кто? – опешил я.
- Асьмушка!
- А он-то тут при чем?
- Эй, Асьмуш! Тц-тц-тц! – позвал Орешек вместо ответа.

Зов был услышан. Деревья захрустели, и из-за них, топая и раскачиваясь из стороны в сторону, вышел Асьмушка. С первого взгляда я понял, что имел в виду Орех. Асьмушка был самым настоящим молодым драконом. И тут я узнал в этом бычкообразном существе того самого хохлатого малыша, что сидел на груди Мерлина, и которого Кутя своим могучим чохом отправил в неизвестность. Об этом я и рассказал Орешку, а дракон слушал и время от времени потряхивал пучком белой шерсти, росшим аккурат посреди лба.

- Хохлатый дракон! – качал я головой. – Расскажу – не поверят. А где ты его взял?
- В лесу нашел, когда гулять ходил. Я же рассказывал, помнишь? А вот теперь он вырос. Ума не приложу, что с ним делать? Может, как Штуша, в Камелот попробовать пристроить?
- До Камелота еще дожить надо, – рассудил я. – Мне еще с драконом биться.
- А ты не будешь ему голову рубить? – обеспокоился Орех.
- Да тут еще должны быть другие, – развел руками я. – Про двухголового не слышал?
- Нет, – помотал головой Орешек. – Я все время тут сижу, в шалаше ночью, днем в город выбираюсь. А Асьмух в чаще сидит, боится. Он у меня пуганный.
- Слушай! – как молнией озарило меня. – А зачем мне рубить кому-то голову? Пошли в замок! Если уж им так нужно, предъявлю им голову дракона на его же плечах! Тем более, что тот двухголовый им охраной приходится. Пойдем, а?

Видно было, что эта идея Орешку по вкусу не пришлась, но он обещал нам помочь, и от своего слова отступаться не хочет.

- Ладно, – решил, наконец, он. – Я Асьмушку в обиду не дам.
- Дракон закивал головой и, откусив кусок от моего плаща, смачно задвигал челюстями.
- А сыр как же? – удивился я.
- Тоже ест, – пояснил Орех, – но мало. Теперь на всеядность перешел. У меня уже все рукава обкусаны – одежда ему, видишь ли, нравится очень.
- А меня не съест? – струхнул я.
- Ты же свой. К тому же он утром зайца словил. Попролам поделили.

Он свистнул, и Асьмух затопал следом за нами, пытаясь дотянуться губами до мешка с провизией...

- ...Ну, здравствуйте! – удивился Развлекатель, завидя, как мы Орешком в сопровождении пекаря и кашевара входим во двор замка. – Куда смотрели? Почему вернуться разрешили?
- И он гневно посмотрел на Федю с Димой.
- Ну, это, – с трудом начал Дима (у Феди при встрече с Асьмушкой намертво заклинило челюсти). – Дракон же...
- Что, достал? – восхитился Строфабор. – Ну, молодец! Я же говорил, что он мне сразу понравился! И какую из двух голов ухватил?
- Да я до того двухголового не дошел, – отозвался я. – Взял, что было, но голова имеется.
- И правильно! – потер руки Шульман. – Я же забыл сказать, что того дракона трогать нельзя, он местный, а значит – свой. Чужих гоняет, и не только драконов, – и он захихикал.
- Меня предупредили, – сухо сказал я.

– Так где же? – подскакивал толстячок. – Ну, где? В мешке, да?

– Нет, за воротами оставил, – честно сказал я. Орешек свистнул, и в тот же миг Асьмушка перелетел через стену и завис над нами, как пустельга, трепеща перепончатыми крыльями. Охрану как корова языком слизнула, а Строфабор так и сел.

– Голова, – показал я. – Как и договаривались. Не плечах, правда, так кто придерется-то?

– Убери! – визгнул Шульман. – Убери это! Голову ему долой! Что я народу покажу? Народ боязливый, к драконам не приучен! Позор, ужас и унижение! Стража, взять его!

Вернувшиеся с подмогой стражники принялись ловить Асьмуху сетью.

– Вот болваны, не трогайте его! – и Орех кинулся на помощь метающемуся по двору дракону.

– Кто таков? – слабым голосом осведомился Развлекатель.

– Мой друг, ясно? – дерзко ответил я. – И дракона в обиду не дам, выкручивайся, как хочешь.

Орешек тем временем отмахивался отнятым мечом сразу от шести стражников. Но их-то было семь! Вот этот седьмой забежал сзади, ударив Орешка в спину древком копья. Парень упал, и я кинулся к нему, помогая подняться.

– Не смей трогать принца! – верещал Шульман. – Оттащите его! Уберите его! Устраните его! А бродягу – вон!

– Подожди! – крикнул я ему. – Давай все миром решим! Договоримся!

– Пока ты договариваешься, – зло сказал Орех, – моего дракона сейчас застрелят!

И, правда, один стражник уже примеривался, как половчее снять чудище из лука.

– Отойди, сволочь! – крикнул парень и рванулся к лучнику так, что ветхая его рубаха осталась у меня в руках, а он, не замечая этого, бросился на стражника и, схватив его за плечи, дернул на себя. Оружие вывалилось у того из руки, и они с Орешком схватились врукопашную. Представьте себе всю ситуацию: шум, гам, по двору замка носятся и галдят стражники, машут сетью на молодого дракончика, который явно с ними забавляется, а Орешек с лучником катаются по земле, выбрасывая ноги. И тут Строфабор вытаращил глаза и замычал, показывая на парня, который как раз оседлал стражника и пытался отнять нож, который лучник успел выхватить.

– Что? – успел спросить я, но тут и сам увидел – что. На плечах Ореха болтались остатки рубахи, а через всю спину вилась татуировка – огнедышащий ярко-зеленый дракон...

– Видишь? – одними губами спросил я.

– Вижу, – прошептал он в ответ.

– Принц?

– Принц.

– С драконом?

– С драконом!

– Значит, все в порядке!

– А что это за принц? Тыфу, в смысле, что это за паренек?

– Мы его в лесу встретили, помнишь, когда с друидами познакомились. Заперли нас в клетку, а он и говорит...

...Вот так и получилось, что на завтра мы уже были почетными гостями на коронации. Орешек сначала ничего не понял и нам не поверил. О татуировке на спине он не знал – сам не видел, а друиды ему ничего не говорили: их это не касалось. Отделение головы от туловища дракона, естественно, не состоялось – Асьмушка залез под кухонное крыльцо, и добрые кухарки приносили ему туда ведра с обедками, а уж сыру ему перепало воз и маленькая тележка. Развлекатель не отлипал от Орешка, обнимал его за талию и кричал, что принц – ну вылитый папаша, после чего тащил играть в кубики.

Коронация прошла чинно и достойно, присутствовали придворные и все мы (за редким исключением – Причард спал на своих любимых тюках уже третьи сутки, и я уже начал подумывать о том, что какой-нибудь добрый волшебник наслал на него чудодейственный сон лет эдак на десять).

На голову расфуфыренного принца местный священник возложил княжеский венец, и в ту же секунду на стенах замка были подняты белые полотнища с гербом княжества, а многочисленные стражники ударили мечами в щиты. В Свинцовой башне же, оказавшейся по совместительству и церковью, мелодично заиграли колокола, заглушив рыдания расчувствовавшейся Тильды.

Потом начались всеобщие празднества, описывать которые – только пергамент переводить. Разве что покороче: интересно, небось? По лугам скакали в хороводах крестьяне: им на радостях отменили на год налоги, а также выставили – каждому! – по бочке вина. В самом центре общей круговерти неловко топтался Штуша с веночком на голове, хлопая пастью, и выкрикивая старую дедову песню, а с его хвостом крестьянские дети уже устроили игру в веревочки.

Мы же, с Тильдой и принцем Ико, поднимали четвертый по счету бокал отменного леговского, когда дверь от чьего-то пинка распахнулась, и в зал вбрел опухший и заспанный оруженосец с соломой в волосах и с тюком в обнимку.

– Пьете, да? – спросил он недружелюбно. – Все пьете и пьете, пьете и пьете... А меня че не позвали, нехорошие люди? Че это тут у вас? Коронация, никак?

– Да! – закричали ему.

– А че вот того вон коронуют, а не Германа? Он че – принц?

– Да! – закричали ему и поднесли кубок.

– А, какая разница, – и Прич выпил кубок, а потом еще кубок, а потом повеселел и, подвинув к себе суп и салат, начал наворачстывать упущенное. Не забывая, впрочем, опустошать все новые и новые кубки.

– Речь! Речь! Пусть князь скажет речь! – это встал Развлекатель, а улыбающиеся придворные хором его поддержали.

Орех, то есть князь Ико, встал, поднял бокал и вымолвил:

– Господа, я...

Дальше мне услышать не довелось, потому что я вырубился, уронив голову на стол. Очнулся же я уже на словах:

– ...И поэтому я немедленно отправляюсь с моими верными друзьями ко двору короля Артура!

– Почему же – немедленно? – вырвалось у меня. – Нет, я не против, но...

– Да! – подскочил Строфабор. – Почему? Опять хочешь нас без князя оставить? Мало ли что с тобой произойдет, а мне потом еще пятнадцать лет ждать? И кубики... – он нахмурился и сел в углу, надув губы.

– Хочу добыть я ратной славы, – стихами сказал Ико. – Ничего со мной не станет, по доброй воле не уйду: что ж я, больной, от целого княжества отказываться? А ты пока за меня поправишь – не впервой, небось?

Развлекатель утешился и в знак доброго расположения чокнулся со всеми нами рогом зверя невиданного, полным вина немислимого.

Разумеется, на следующий день после гульбы и танцев никто с рассветом не встал, собрались мы лишь после обеда, а в путь-дорогу отправились только утром третьего дня. Как обычно – впереди Тильда на Куте, за ней я на Вадике, уже за мной ехал Ико-Орешек на лучшем леговском коне – сивом мерине по кличке Алькофрибас. Рядом с ним бежал Асьмушка, время от времени, выпуская из ноздрей язычки пламени. Штуша, кстати, пытался подражать, но из его ноздрей вместо дыму-пламени неожиданно вылетели две зеленые струйки. Штуш

смутился, но, после того, как трава под этими струйками зашипела и истлела, и когда Тильда догадалась, что это смертельный яд чувабамба, Кутька возгордился и пообещал больше так не делать – пока, во всяком случае. Замыкали же нашу кавалькаду братья-неразлучники Прич и Бозо.

Как только мы подъехали к лесу и, замахав руками, обернулись к замку, на его стенах вновь ударили в щиты и в воздух взметнулись чепчики и орудия труда и быта. Строфабор взбежал на свою башню, и мы еще долго (пока не углубились в лес), оглядываясь, видели наверху его маленькую фигурку, машущую нам вслед большим банным полотенцем, на котором были написаны три буквы «ИКО»...

Часть вторая

СТРАННА...

ГЛАВА 1

«Попался – так лежи!»

(Из кладезя народной мудрости)

В роли дракона выступал Асьмушка. Собственно, он и был драконом, только маленьким еще. Вот этого-то малютку и навязали мне в качестве драк-партнера. Поскольку по выезде из княжества Лего начинались леса дремучие и горы горючие, то исключительно на Кутю полагаться не следовало, и, к тому же (как мне пояснили) я все-таки рыцарь. А путь наш, судя по врученной Строфабором карте, приходился аккурат через логово все того же развеселого дракона. «Только не убивайте его, охранничка нашего, хоть одну голову оставьте» – словно в насмешку просил нас Развлекатель. Я бы, понятное дело, вообще предпочел бы с вышеозначенным экземпляром живой природы не встречаться и по-тихому обойти третьей дорогой. Но мои поганые спутники просто-напросто обсмеяли меня с ног до головы.

– А-ха-ха! – громовым голосом ревел Причард. – О-хо-хо! Я смеюсь над тобой!

Неожиданно для себя, да и для нас, он заговорил с каким-то галльским акцентом.

– Який же ты к чорту лыцарь, – кричал он, – коли с драконом сразиться боишься? Да мне даже оруженосцем у тебя претит быть после этого!

– Ничего я не боюсь, – раздраженно отозвался я. – Просто не хочу искать приключений на свое определенное место мягкой консистенции.

– Вы подумайте! – всплескивала руками сестрица Матильда. – Какие мы слова-то всё знаем! А мечом махать со-овсем не умеем.

– Придет он к Артуру, – разглагольствовал Причард. – У него там, ясное дело, спросят: «И чего ж ты, мил человек, делать умеешь?». А он и ответит: «Перышком чиркать да языком чесать»...

– Ну, как же, – возразила Тильда. – Он же у нас воин! Скажет: «Пару гнусов болотных лопатой зашиб, хотел третьего прихватить, да тот прыткий оказался – сам смылся, да еще и лопату стыбзил!».

– Сволочи, – ругался я. – Это уж мое дело, чем я по дороге занимался.

– Знамо чем, – зубоскалил Причард. – В кубики игрался.

– Отстаньте вы от Германа, – попросил Ико. – Я сам на дракона пойду.

– Ага, – кивнула Матильда. – А мы Шульману твою шапочку принесем и скажем: «Спасибо за доверие». Ты принц, и мы за тебя отвечаем, посеми куда не пойдешь.

– К тому же в нашей экспедиции – вы забыли, друзья? – есть самый настоящий рыцарь! Его зовут Герман Бычий Глаз! А мы – его сопровождающие и носим оружие в свободное время.

Вот поэтому-то за меня и взялись, так сказать, со всех концов и по-настоящему. На каждом привале мы с Ико рубились деревяшками до седьмого пота, а по мере приближения драконьего гнезда в драк-партнеры мне, как я уже говорил, выставили Асьмушку – дракон все-таки. Для прочих это был бесплатный цирк – они усаживались кружком и принимались активно болеть: Ико и Штуша – за меня, а Прич и золотая моя сестрица – против. Получалось у меня вполне сносно. Во всяком случае, первый замах. А вот когда Асьмух подымался в воздух и начинал с пыхтеньем описывать круги надо мной, глупо машущим деревянным мечом, зрители падали с насиженных мест и катались по земле от смеха. Иногда дракончик входил в пике и с мягким шумом падал прямо на меня – получалась куча мала, в которой зрители принимали живейшее участие.

Конечно, от моего меча у Асьмушки в синяках были и лапы, и хвост, но и я был опален с ног до головы (мои мучители решили не мелочиться – а что, если дракон, к которому мы идем,

окажется огнедышащим?). Ресниц у меня уже не было, от бровей остались чахлые кустики, да и вонял я, надо сказать, как неошипанная курица над очагом.

Уже почти возле самой цели мы решили устроить генеральную репетицию. Прич командовал парадом (как-никак, при третьем рыцаре оруженосцем, опыт есть и положение обязывает, хотя сам никогда и ни с кем не сражался – зачем?).

– Левей! Правей! – орал Прич. – Вниз! Вверх! Живот втя-нуть! Коли круп-но! Коли мелко! Ага! Отбил! Левее! Разворачивайся! Развора... Тьфу!!!

– Ась-муш-ка! Ась-муш-ка! – верещала Матильда.

– Гер-ман! Гер-ман! – басил Кутя, топая в азарте четырьмя лапами сразу.

– Осторожнее! Побьетесь ведь! – переживал за всех сразу Ико.

– Сверху его! – гаркнул Причард. – Хорошенько его!

Асьмух послушался, взлетел и ринулся на меня сверху. Но я уже был ученый, отскочил назад, одновременно развернулся, сделал обманное движение влево и поразил дракона в пузо. Тот перекувырнулся в воздухе и плюнул огнем. Я заслони́л лицо, Асьмух обрадовано залаял (я до сих пор не мог поверить, что так кричат драконы, подумать только – лают, как обычные собаки!), захлопал крыльями и, разинув пасть, ринулся на меня, норовя придавить к земле. Я мигом кувыркнулся назад, и дракончик, квакнув, плюхнулся на траву прямо передо мной. Ловко уйдя в сторону, крылатый малыш увернулся от удара, и моя деревяшка пронзила воздух. Надо отдать должное моему чешуйчатому другу – прыгал он ловко, и все мои старания окончились ничем. Но я, таки догнал его у края поляны и свалил на землю, уперев острие «меча» ему в шею.

– Живота или смерти? – хищно спросил я.

– Смерти!

– Живота! – ответили мне хором.

Асьмух лежал с открытой пастью, но что он хотел сказать – неизвестно.

– Чего вы разорались? – угрюмо спросил я. – Я не вас спрашивал.

– А мы и не говорили ничего, – ответил Ико.

Я повернулся к честной компании, желая поймать наглецов на слове. Однако Тильда и Причард, раскрыв рты, глядели куда-то в сторону непролазных кустов ежевики.

– Чего уставился? – хриплым басом неприязненно спросили кусты. – И тебе тоже смерти!

– Какой ты кровожадный! – с неудовольствием заметили кусты сами себе, но на этот раз мелодичным женским голосом.

– Я не кровожадный, само вырвалось, – примирительно сказал бас.

– Добрый день, вы кто? – осторожно спросил я. – И что вы там делаете вдвоем?

– Бестактный вопрос! – воскликнул женский голос. – Что мы можем делать в ежевике? Едим ее, конечно. Питаемся мы. А что? Нельзя? Это ваша ежевика, что ли?

– Общая, – виновато откликнулся я. – Можно кушать всем и много. Простите.

– А я кролика поймал, – похвастался хрипун. – На ужин. А вот меня тоже интересует, кто вы?

– А я первый спросил!

– А ну и что!

– Хорошо, – сдался я. – Кто из нас вас интересует больше?

– Ты, ты. Твоего друга я и так вижу. Пошто маленьких обижаешь?

– Мы играем, – пояснил я. – Разминаемся.

– А, тогда ладно, – успокоился бас. – А вас тут только двое? Больше нету?

– Нет, мы с друзьями. А вы тут живете, в ежевике-то?

– Ага. Я и жена моя. Вон она, ягоды собирает как раз.

Я добросовестно вглядывался в кусты. Кто-то там ворочался, это верно.

– А вы не могли бы нас проводить? – робко попросил я. – А то тут драконы, говорят, водятся, а у нас карта только до их логова. Нам в Камелот нужно.

– Это где? – озадачился нежный голос. – Не знаю такого.

– В Логре, – пояснил я. – К югу отсюда.

– Отсюда только в Странну попасть можно, – заявил бас. – И все.

– Все равно, – махнул рукой я. – Выйдем, куда надо. Народ поможет. Язык до Франкии доведет.

– Ну, хорошо, – примирительно молвила женщина. – Собирайте друзей и пожалуйте к нам. Сразу за кустами, пройдете через осинник и направо – там мы и живем.

– Там еще скала такая с пещерой, – попробовал вмешаться хрипун, но жена, видно, не дала ему разговориться – слышались звуки тихой ссоры.

– Будем ждать! – наконец донесся мелодичный голос женщины.

– Спасибо! – откликнулся я, но они уже не слышали – топая, удалялись в чашу, переругиваясь на ходу.

– А вы чего молчали? – спросил я у друзей, которые, хлопая глазами, ждали окончания нашей беседы.

– Да уж больно занятно выглядело, как ты с кустами разговаривал, – разъяснил Причард.

– Занятно не занятно, а нас ждут. Давайте сворачивайтесь, и пойдём. Авось накормят, да и крыша над головой будет.

– Крыша? – переспросил Ико.

– Да, они в пещере живут, – и я зашагал первым.

– В пещере, – озабоченно повторил Ико, но больше ничего не сказал, а свистнул Асьмушке и пошел за мной. Остальные потянулись следом.

– Вот повезло! – радовался я. – С драконом драться не надо – и так проводят.

– Насчет дракона, – начал Ико. – Сдается мне...

– Тебе лишь бы не драться, – перебила Матильда. – Может, эти твои знакомцы – людоеды какие-нибудь!

– Людоеды кроликами с ежевикой не стали бы питаться, – возразил я. – Голоса приятные к тому же.

– Приятные! – фыркнула Тиль. – Самый приятный голос, который я когда-либо слышала, был у кузена Тролля-с-Битой, чтоб его пнуло, а вот душка граф Аурелио из свиты принца, – она кивнула на Ико, – так тот скрипел, как несмазанная телега!

– Или вот, к примеру, мой оруженосец, – ухмыльнулся я. – Ни рожи, ни кожи, а уж как рот разинет – хоть из дому беги.

– Не переходи на личности! – вскипела сестра. – Вот попадешь, как кур в опцип, со своими ежевичными друзьями – сам виноват будешь!

– Знаешь что! – возмутился я. – Можешь вообще никуда не ходить! Тебя не звали! Иди к дракону, подерись с ним немножко, потом он тебя, дай Бог, съест, а я уже буду в Камелоте пить чай с сухарями!

– Легких путей ищешь? – обронил Ико. – Нет, я тебя не осуждаю, твое дело – драться или нет, вот только бесплатный сыр сам знаешь где бывает...

Услышав о сыре, Асьмушка заурчал и подлез головой мне под руку, чтобы я его покормил. Или хотя бы погладил. Что я и сделал.

– Все против меня, – пожаловался я ему. – Один ты у меня остался. А Штуша вообще ничего не слышит.

– Я слышу все! – встал на дыбы Штуш. – Герман не трус! Мне вот нравится, что он зря в атаку не лезет. Поглядим, а может, и правда драться не надо будет? А Матильда наоборот хочет в самое пекло пробраться. К чему это? Лезем, как моськи, на этого дракона. И так развелось всех этих псов-рыцарей, как собак нерезанных: всякий, чуть что не по его – за меч норо-

вит. Герман вон такой же был, да поумнел, наверно. А ты же старше, Тиль, могла бы удила-то закусить!

– Сейчас тут кое-кто у меня удила закусит! – и сестра дала ему в бока пятками.

– Сброшу, – кротко предупредил Кутя.

– Попробуй, – и Тильда повторила маневр. Кутя попробовал. Матильда с воплем взлетела к макушкам деревьев, но ловко приземлилась обратно в седло, и шпорить Штушу больше не пыталась.

– Ага, вот и скала, – заметил я, выезжая из осинника, когда морда Вадика неожиданно уперлась напрямиком в камень.

– Проходите, мы уже заждались! – крикнула нам из пещеры собирательница ягод.

– Что-то это мне напоминает... – начал было Ико, но я не дал ему закончить, и, с криком: «Не отставайте!», первым обогнул скалу и очутился на роскошной полянке перед входом в пещеру. Остальные тут же сгрудились позади меня.

– Ну, все, что ли? – слышался ворчливый бас из пещеры.

– Все, – озадачился я. – А что? Мало?

– В самый раз! – удовлетворенно отозвалась женщина, и тут же раздался страшный треск. Вся наша компания с криками, ржанием и трубным ревом провалилась под землю.

ГЛАВА 2

*«Дракон дракону рознь, мои утяточки!»
(Из старинных сказаний)*

Очнувшись, я со стоном вытащил чудом уцелевшую ногу из-под Вадика, помог ему собрать копыта в пучок и встать. Слава Богу, дно у ямы оказалось хоть и грязное, но мягкое, обошлись без телесных повреждений.

– Кто языком про мышеловку трепал? – послышался в темноте свистящий шепот Матильды. – Ты, Орешнице противное? Накаркал!

– Посмотри, дорогая, как их много! – раздался сверху радостный бас. – Надолго хватит. Может, на неделю?

– Как же, хватит тебе, – проворчал женский голос. – Вот уж кто проглот! Живот потом три дня болит.

– Ну не у тебя же?

– А у кого же?

Пока шла словесная перепалка, мы сообразили приглядеться к верхнему краю ямы. На нем сидел громадный двухголовый дракон и, свесив хвост почти к нашим носам, ругал сам себя на чем свет стоит.

– Эй! – крикнул я, отчего дракон подпрыгнул и уставился на нас. – Так нечестно! Выпустите нас!

– Все честно, – отозвалась одна голова знакомым хриплым голосом. – Мы голодные.

– Ежевикой разве наешься? – нежно поддержала его вторая голова. – Вон он какой у меня крупный!

– Я? – рассердилась мужская голова.

– Живот, – отрезала женская. – А их – вон сколько! Кони на обед, молодцы на ужин. Красавицу и чудовище можно дня на два растянуть.

– Ать! – и Причард прыгнул, норовя ухватить чудище за хвост.

– Ц-ц-ц, – сказал дракон, аккуратно вытягивая хвост из ямы. – Нехорошо.

– Что нехорошего? – вскинулся я. – Давайте побыстрее освобождайте нас, а то хуже будет.

– Всенепременно, – сказала мужская голова. – Всенепременно.

– Его что – заело? – сварливо спросила Тильда.

– Не оскорбляй моего супруга! – строго сказала женская голова. – А то с тебя и начнем.

Кончик хвоста для пущей значимости хлопнул сестру по голове. Неугомонный Причард опять попытался ухватить его, и... Да, похоже, что без бровей на сей раз придется ходить моему оруженосцу.

– Эх, жарить бы вас всех прямо в яме, – недовольно сопя, проворчала мужская башка. – Да вот жарница стоит страшная – протухнете.

– Сам дурак, – обиделась Матильда.

– А ну-ка, вытащи меня отсюда быстренько! – приказал я. – Мерзавец, а?! Наглец, а?! Да я ж тебя сейчас...

– Что он сказал? – спросила одна голова другую.

– Нет, главное здесь – КОМУ он это сказал, – поправила та и крикнула в яму. – Мы, между прочим, муж и жена. Одна сатана. И у тебя поднимется рука на сатану... Тьфу, на женщину?

– Еще как! – и я вытащил меч. – Эх, не развернуться тут!

– И меня тащите! – вмешался Ико. – Сразимся два на два!

– Навылет? – заинтересовался муж, и тотчас поплатился: жена вытянула шею и укусила его за ухо.

– Да им все равно с нами не справиться! – прохныкал хрипун. – Молодые еще.

– Я, как дама, – обратилась к нам супруга, – драться не умею и не буду. И мужа не пушу: а ну как отчекрыжите ему башку, пусть даже и случайно – он ведь у меня единственный! Так что – до завтра. Сегодня трогать вас не будем – всю охоту жрать, прости господи, отшибли!

– А вы тоже в Бога верите? – обрадовалась Матильда. – Тогда вспомните пятую заповедь...

– У нас свой Бог, и зовут его Смог. Завещал нам золото и драгоценности красть, над людьми глумиться и жечь их огнем нещадно. Только потом пострадал за грехи своя...

– Хороший у вас боженька, – покачал головой Причард.

– У вас не лучше. Подумаешь, какая разница, за чьи грехи страдать – за чужие или за свои? За свои, между прочим, не так обидно.

– Если брать теософскую точку зрения... – попыталась развить дискуссию Тиль.

– Нет, спасибо, – бросила женская голова. – Зубы не заговаривай. А то, знаешь, у меня после оживленной беседы аппетит разыгрывается.

– А, – кивнула Матильда. – Тогда до завтра.

– До завтра... ка! – сострил хриплый бас, и дракон, хихикая, удалился.

После короткого выяснения, кто прав, а кто, соответственно, виноват, на меня обрушились проклятья невероятной величины. Но мне было не привыкать, гораздо большее было слышать, как скулит Асьмушка, забившись в самый угол ямы, да тревожно ржут кони, перебирая ногами. Я оттолкнул, ползшего было в драку Прича, подобрался к Штуше и обнял его за шею.

– Прости, – сказал я в его пахнущую пылью шерсть. – И ты, принц, извини за то, что не слушал я тебя.

– Бывает, – только и сказал Ико.

– Края осыпаются, – пожаловалась Тильда, оставив попытки вылезти наверх. – Земля рыхлая. Засыплет, как в могиле.

Попытка общими усилиями построить пирамиду тоже ни к чему не привела. Я взгромоздился на Кютю, на мои плечи залезла Тильда, и то она не достала до края ямы, так – поскреблась пальцами. Хозяева же ловушки, словно учуяв наши потуги, вернулись и пригрозили оставить кролика на потом и приступить к переработке субпродуктов прямо сейчас.

– Господа и дамы! – заорал Прич. – Разрешите смертникам поинтересоваться – как вы размножаетесь?

– Нашел время, – проворчал я.

– Кто сказал? – грозно пробасил дракон.

– Лошади, – ответил нахальный оруженосец.

– Нам еще рано думать о детях, – холодно отозвалась драконша. – Мы решили пожить пока для себя. Там посмотрим.

– Кстати, – подал голос ее супруг. – Не пора ли на боковую?

И дракон вразвалку ушел. И, судя по хрусту веток, лег. И даже захрапел. Храпел явно мужик. Жена же его охала и стонала во сне – не нравилось, видать.

– А я не буду спать, – заупрямился я. – И вообще, есть хочу!

Есть, кстати, захотели все. Я вытащил наши немудреные припасы и раздал друзьям.

– Соли, – прошамкал Прич: во рту у него угнездился солидный кусман хлеба, а сам он потрясал вареным яйцом.

Ико протянул ему какой-то кулечек, Прич развернул его и, осыпав несчастного князя бранью, с отвращением отбросил.

– Что ты мне даешь? – пробубнил он. – Гадости какие-то!

– Ты же сам соль просил, – растерянно отозвался Ико.

– Соль-то сыплется, – покровительственно сказал Причард. – А это что? Локон твоей прабабушки? На счастье?

Застыв с полными ртами, мы все следили за тем, как Ико осторожно поднял с земли клочок шерсти, отброшенный Причем и чудом не унесенный ветром.

– М? – спросил я.

– М-м, – кивнули остальные.

Я осторожно подбросил шерсть вверх.

– Чего надо? – недружелюбно спросила мгновенно возникшая из воздуха бородастая старуха.

– А где Том Тит Тот? – удивился я.

– А его нетути! – расцвела старуха.

– Вытаскивай нас поскорей отсюда! – приказал Прич.

– А этого не хочешь ли? – и старая ведьма, сплюнув в кулак, предъявила нам отменную дулю. – Я не Том, с вами не договаривалась, и взятки с меня гладки.

– Так чего ж явилась-то? – сердито сказал я.

– По должности, – приосанилась старуха. – По прежнему уговору. Вроде переходящего знамени.

– Понятно, – вздохнул я. – И чего тебе надо?

Старуха самодовольно погладила бороду.

– Да уж известно что. Имя угадайте!

– Угадаем – переправляешь нас в Странну. – предупредил я. – Чтобы по честному.

Вот как раз, по честному, я совсем не был уверен в успехе нашего предприятия. Яблоко два раза на одну голову не падает...

– Идет! – подпрыгнула азартная старушенция. – Гадайте!

– Наверно, тебя зовут, как мою маму? – льстиво предположил Причард. – Ферфения?

– Сочувствую, – хмуро ответила бабка. – К счастью, я не твоя мама.

– Возможно, Бьоркгудмунсдоттир, – предположил Ико.

– Это что ж за имя такое? – удивилась старуха.

– Это по друидски – «Ореховка – дочь Желуднички» – разъяснил князь.

– Мимо, – потеряла жадные лапы старуха. – Думайте. Думайте! Последний раз остался!!!

Под усиленный скрип наших мозгов бабка приподняла юбки и пустилась вприпрыжку по яме, пугая лошадей и выкрикивая:

– Ха-ха-ха! Никто не знает, как меня зовут! Хо-хо-хо, никто не знает, что имя мое...

– Гиллитрутт, – спокойно сказала Матильда. Старуха споткнулась и упала носом в землю.

– Ну, вот нигде мне от вас покою нет, – заголосила она знакомым сиплым голосом Тит Тота. – Даже пол поменять в этой чертовой стране невозможно – все тебя узнают!

Он задрал юбку, под коей обнаружили короткие полосатые брюки, из которых торчали косматые копытные лапы, вытащил из кармана трубку и нервно закурил.

– На этот раз – никакой шерсти! – злобно сказал он. – Не приду я к вам больше! Не дожидесь, гады!

– Да, пожалуйста, – пожал плечами я. – Ты вот нас только в Странну переправь.

– Разгильдяи, – проворчал Том, выбивая трубку о копыто. – Все бы вам за чужой счет...

По коням и за руки взялись!

Мы исполнили чертову волю. Том хлопнул в ладоши, вокруг нас, рассыпавшись, повели хоровод звезды, и только мелькнула перед глазами пещера, в которой на грубой подстилке, обняв сам себя лапами, спал вероломный двухголовый семьянин.

ГЛАВА 3

*«Говорящий ворон на окошко сел, и мое жилище с грустью оглядел.
Он меня не очень оторвал от дел. Не сказал ни слова. Дальше
полетел»*

(Из заметок монаха Алека-григорианца)

– Ну, вот вы и в Странне, – такими словами встретил нас на незнакомой земле... Мерин!
– Рад, что вы добрались благополучно, – деловито вымолвил он, как будто и не бросал нас в самый тяжелый момент. – А что это за юноша с драконом?

– Это – наш друг князь Ико и его Асьмушка. А ты, между прочим...

– Без рук, – небрежно сказал колдун, и кулаки Прича ожгло голубоватым сиянием. – Заглажу, искуплю, проведу по Странне...

– Не за «просто так», конечно? – ядовито уколола Тильда.

– Ну, – с усилием отозвался маг, – пока бесплатно. Я тут успел проверить кое-что, подпитка мне, покамест, не нужна. А что, деньги есть?

И он с надеждой уставился на Ико. Тому, конечно, дали приличную сумму на непредвиденные расходы, но он был уже наслышан от нас о великом и могучем волшебнике, поэтому только молча покачал головой.

– Что, князь – и без денег? – удивился Мерин. – Вот ни в жисть не поверю!

– Твое дело, – и Ико, отвернувшись, стал преувеличенно громко обсуждать со Штушей погоду.

– Ну и ладно, – разочарованно сказал волшебник. – Так что, идем?

– Точнее, едем, – поправила Тильда. – Посох-то, гляжу, не посеял?

– Всегда при мне, – сухо отрезал маг.

– А у меня есть парочка вопросов, – вмешался я и поспешно добавил, – Бесплатно!

– Ну конечно, – сквозь зубы процедил Мерин, взгромождаясь на посох. Заметно было, что волшебнику больно и обидно – слово «бесплатно» в его мировоззрении не имело права на существование.

– Первый – что это за страна?

– Эта, что ли? Обычная страна – Странна.

– А почему она так называется?

– Почему, почему... Потому что кончается на «у»! Странна эта страна, вот почему! – бесплатные ответы старика грешили прорехами и излишней лаконичностью.

– Второй вопрос – почему же я о ней ничего раньше не слышал?

– Уши надо было мыть, – маг явно издевался. – А если компотом уши моешь – то косточки вытаскивать.

Я молча швырнул Мерину монетку, тот ловко поймал ее колпаком, и понеслась заунывная мелодия. Тотчас борода мага пошла волнами, одежда просветлела, а голос приобрел силу и стал звучным и солидным.

– Ты ничего не слышал о Странне, потому что ее как бы нет.

– То есть как?

– Этой страны нет на карте. У нее нет определенного места во времени и пространстве. Это точка пересечения реальностей, центр круга, от которого и надо плясать.

– Плясать? – оживился подслушивающий оруженосец. – Я люблю плясать. Знаете «Танец медведя»? Эдак вот...

Он подпрыгнул, выкинул в воздухе какой-то фортель и упал с лошади...

– А что нам делать в Стране? – спросил я, не обращая внимания на охи-вздохи Прича, карабкающегося обратно на расплясавшегося заодно с хозяином Бозо. – Зачем нам этот центр, если нам в Камелот надо?

Мерин потыкал посох, устроился поудобнее, вздохнул и принялся объяснять:

– То, что с тобой приключилось, можно назвать исконно греческим словом – лабиринт. Это такое, запутанное, – маг поворачивал в воздухе пальцами, – словом, ты понял. Вы все время выбирали неправильную дорогу и уходили все дальше от цели путешествия. В лабиринте, бесконечно поворачивая, можно только заблудиться окончательно: даже если у тебя получится свернуть куда надо, следующий же неправильный поворот уведет тебя в такие дебри, что огого!

– Ого-го! – крикнул Прич, проносясь мимо нас на Бозо. – Поглядите, как я умею!

Он встал на седло и поднял одну ногу. Бозо, повинуясь каким-то темным инстинктам, моментально затормозил. Мой достопадный оруженосец с криком слетел с седла и застрял в ветвях ближайшего каштана.

– Эх, – отмахнулся Мерин. – Слушай и не отвлекайся. В случае окончательного запутывания следует идти напрямиком к центру лабиринта, определить количество путей, ведущих из него, вооружиться мелом или веревкой – на худой конец и нитка согдится – и планомерно исследовать каждый путь, делая пометки или держась за веревку. Один из них неизменно приведет тебя к выходу.

– Как же я в этот центр попаду, – глубокомысленно сказал я, – если я уже окончательно запутался?

– Так я-то на что? Я вас и вывел напрямую и к центру! – борода Мерина поднялась вверх и застыла в победном жесте. Сам же волшебник триумфально светился. У меня-то насчет этого «выхода к центру» были свои соображения, но я промолчал.

– А как мы оказались в нашем «лабиринте»? – задал я вопрос. – В нашем, реальном мире я никогда не слышал, чтобы люди... – я осекся.

– Вот! – поднял палец волшебник. – Именно! Сколько раз твои любимцы рыцари уходили в даль светлую?

– Ну, их же убивали таинственные чудища и гады свирепые, – робко попробовал я возразить.

– Но ты же этого не знаешь наверняка? – поддел меня маг.

– Логично, – почесал я в затылке. – И что, все пропавшие – вот так?

– Ну, не совсем, – покачал головой Мерин. – Есть и гады, и чудища, да и от лихих придорожных молодчиков можно пострадать. Но в большинстве своем – фьюить! – и волшебник сладил из рук крылья и помахал ими. – Поминай, как звали! Это вам еще повезло, что вы на меня напорились.

Я молчал. Мне отчего-то вспомнился старик, встретившийся нам на пути, и руны, начертанные им на дороге, по которой мы поехали. С этого-то и началась всякая чертовщина. Леса пошли незнакомые, да и о княжестве Лего у нас в Фараморе никто и слыхом не слыхивал, не говоря уже о таких живописных животных, как наш Штуша. Ладно, решил я, понять этого старика трудно, но можно, тем более, что, кроме меня, проделать это никто и не пытается: Причард что-то выговаривает на ухо меланхоличному слюнвятому коню, а Тильда с Ико и Штушей играют в «съедобное – несъедобное», оставив меня ломать голову за всех.

– Ну, хорошо, – нерешительно начал я. – Мы ведь тут ничего и никого не знаем. А ты обещал нас проводить. С друидами у тебя получилось плохо, про дракона я и не говорю, хоть с лабиринтом-то справишься?

– Прямо к центру и насквозь – вот как я выхожу из лабиринта! – с энтузиазмом воскликнул Мерин. – И вас с собой выведу, не трепыхайтесь. Тут же все вокруг мои кореша, помогут, если что.

– А, кстати, что же за люди живут в этой Странне?

– Странные. Кажется, и людей таких вовсе нет – ан нет, вот они, живут припеваючи и очень хорошо себя чувствуют.

Неожиданно лес стал редеть, дорога повернула влево, и за поворотом мы увидели строения, явно обжитые и на вид довольно гостеприимные.

– Природа! Воздух! – восклицал Мерин, глубоко и хрипло дыша, как будто мы не ехали только что по природе битый час. – Не мудрено, что именно здесь народ и селится.

И он строго поглядел на меня.

– Да я и не возражаю, – поспешно сказал я.

– Сперва, – рубил рукой воздух маг, – надо отыскать Вечного Гида. А уж он нам скажет, куда идти дальше, да и проводит, ежели что.

– А кто он такой?

– А шут его знает, – отозвался Мерин. – О нем известно только то, что он вечный. И что он гид. Здесь все есть то, что они есть. Ни больше, ни меньше.

– Здесь кто-то говорил о еде? – влез Причард. – Я хочу есть. Сразу и много!

– Отвяжись! – рявкнул я. – Тебе бы лишь брюхо набить!

– А тебе разве нет? – заныл оруженосец. – Я, между прочим, лицо подневольное, а ты несешь за меня ответ. В том числе и за кормежку.

– Пока нечего, – отозвался я. – Да, Мерин, а что они тут едят? Еда здесь тоже, небось, странная?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.